

Борис О. Бурда
Великие романы великих людей
Серия «Лица. Эпизоды. Факты»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=293282
Великие романы великих людей: РИПОЛ классик; М.; 2016
ISBN 978-5-17-094939-7

Аннотация

Великие, знаменитые и просто известные люди всем любопытны, и причин на это хватает. Если, как часто и бывает, они личности незаурядные, этот интерес понятен – хочется узнать и разобраться, как они добыли свою славу или удержали полученную по наследству, что для этого сделали они и не сделали мы, чему у них можно и нужно поучиться. С удивлением узнаешь, что они совершенно такие же люди, как мы с вами...

Очередную мою книгу о великих романах как раз и составят несколько историй о любви монархов разных времен к таким роковым женщинам. Иногда речь пойдет о тех роковых женщинах, которые сами являлись владыками своих стран и престолов – в сущности, всё то же самое, в этой области у мужчин и женщин уж точно равные права. Но во всех историях есть общее – они дорого обошлись стране, которой кто-то из влюбленной пары управлял. Похоже, что так в основном и бывает, и это совсем не то, что о любви принято говорить и, что печальнее, думать. Не потому, что сама любовь – это что-то плохое: нет, конечно. Просто все хорошо на своем месте. Думаете иначе? Прочитайте сами и подумайте еще раз.

Содержание

Предисловие	5
Гарем и хюррем, или Карьера одной Роксоланы	7
Сулейман Кануни: начало конца	8
Настя: наложница султанских кондиций	13
Роксолана: выбор сделан	15
Хюррем: она же Хасеки	21
Мехмед Фатих: султанским братьям не жить!	22
Ибрагим-паша: воспротивившемуся смерть!	25
Мустафа: цель поражена!	28
Селим: мусульманин-алкаш	32
Анастасия Гавриловна Лисовская: спустя века	35
Мужчины предпочитают блондинок	37
Светлые головы	38
Мой дядя самых честных правил	40
Землячка Колумба	45
У императора обнаружен брак	48
Незамысловатое семейное счастье	53
Седан	58
Пресечение династии	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Борис Бурда
Великие романы великих людей

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие

Великие, знаменитые и просто известные люди всем любопытны, и причин на это хватает. Если, как часто и бывает, они личности незаурядные, этот интерес понятен – хочется узнать и разобраться, как они добыли свою славу или удержали полученную по наследству, что для этого сделали они и не сделали мы, чему у них можно и нужно поучиться, а что пригодится для еще более полезной вещи – чтобы твердо усвоить, что так поступать нельзя, а то хуже будет. Если с удивлением узнаешь, что они совершенно такие же люди, как мы с вами, можешь с удовольствием убедиться, что не боги горшки обжигают и то, что совершили великие короли, полководцы и первооткрыватели, и тебе вполне посильно, а это льстит самолюбию, хотя и не всегда правда. В любом случае жизнь замечательных людей гораздо интереснее изучать, чем биографии не поймешь кого, – она обычно прекрасно документирована, историки по листку, строчке и цитате собирали все, что время нам от их жизни оставило, пушкинисты вот рыдают, что о целых двадцати днях жизни Пушкина не сохранилось никаких документов, кошмар! Начинаешь вчитываться в их биографии, и оказывается, что это увлекает и затягивает. Чем пристальнее вглядываешься, тем больше различаешь, тем чаще приходишь к выводу, что ты об этом представления не имел и мало кому это известно. Расхожие, привычные представления о знаменитостях – в лучшем случае примитивная схема, а еще чаще прямая неправда. Разбираешься в биографии, и словно фото проявляется – туманная картинка становится ясной и отчетливой.

Надо признать, что один из самых интересных фрагментов этой картинки – то, что принято называть «личной жизнью», великие романы великих и знаменитых. Проще всего посчитать интерес именно к этой части их биографий приземленным и обывательским, но правда ли это? Человек наиболее интересен нам в момент высшего напряжения своих сил, а любовь один из лучших в мире способов заставить сделать самую высокую, иногда даже непосильную ставку и бросить на карту все, не сундуча про запас и не ограничивая себя скучной логикой и грошовым расчетом. Яркого человека она делает еще ярче, талантливого – еще талантливее, парадоксального – еще парадоксальнее, злого, жестокого, коварного и корыстного... да-да, к сожалению, именно так. Сильные чувства – универсальный усилитель всего, в том числе и нашего интереса к человеку, способному их проявлять. Недаром великие романы великих людей стали любимыми сюжетами знаменитых трагедий – там часто и додумывать нечего, стоит по-настоящему разобраться, как там бело было, сразу получится такой трагический сюжет, что писателю и не придумать, а если он осмелится, ему сразу скажут: «Ну, это ты уж слишком, такого просто быть не может!»

Не все великие романы – трагедии, иногда это история успеха, хотя обычно трудного и неоднозначного. Но вот с любовными историями королей, царей, султанов и прочих наследственных владык дело обычно обстоит значительно хуже. В давние времена абсолютной власти, когда в государстве некому было им сказать: «Подумай, не делай этого!» – они как только под действием мощных эмоций складывали мозги на сохранение в холодное место и без их участия решали и делали сугубо то, чего их левая нога захочет, а в итоге получалось такое, что страна не всегда выдерживала. Причем если результаты их чувств обрушивались на страну сразу, это было еще ничего, более-менее терпимо – гораздо хуже получалось, когда тихий ужас от их последствий начинался этак лет через сто. В этом случае обычно и дергаться было поздно – неоперабельный случай, все проросло, где вы раньше были? А раньше, оказывается, была большая любовь...

Очередную мою книгу о великих романах как раз и составят несколько историй о любви монархов разных времен к таким роковым женщинам. Иногда речь пойдет о тех роковых женщинах, которые сами являлись владыками своих стран и престолов – в сущности, всё

то же самое, в этой области у мужчин и женщин уж точно равные права. Но во всех историях есть общее – они дорого обошлись стране, которой кто-то из влюбленной пары управлял. Похоже, что так в основном и бывает, и это совсем не то, что о любви принято говорить и, что печальнее, думать. Не потому, что сама любовь – это что-то плохое: нет, конечно. Просто все хорошо на своем месте. Думаете иначе? Прочитайте сами и подумайте еще раз.

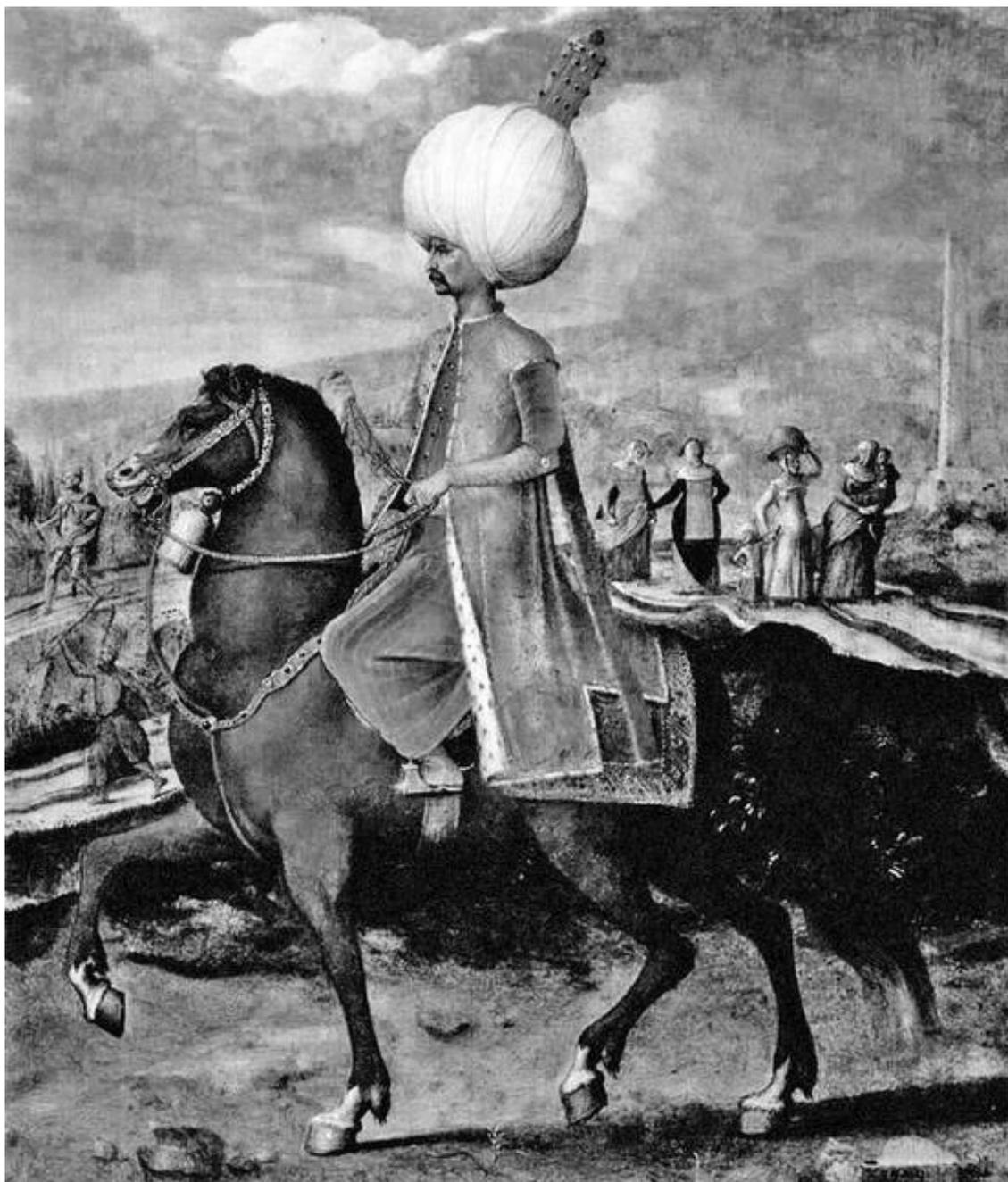

Гарем и хюррем, или Карьера одной Роксоланы

Ее считали романтической героиней, примером великой любви, преодолевающей все различия – сословные, национальные, культурные и религиозные. А она оказалась палачом огромной империи, остановив ее шествие от победы к победе. Уже ее сын, унаследовавший престол, который вовсе не ему должен был достаться, затормозил развитие страны и положил конец ее небывалым успехам. А при его потомках все стало еще мрачней и беспросветней. Оплатила ли она черной неблагодарностью за любовь и почет? Или имела право так отомстить за свои ужасные страдания? Попробуем разобраться...

Сулейман Кануни: начало конца

На протяжении всех шести столетий без двух годочков существования Османской империи ни один ее владыка не достигал такой славы, как Сулейман Великолепный – именно так его прозвали даже привыкшие к роскоши венецианцы, сраженные наповал красотой и богатством его дворцов и мечетей. Его слава как султана-завоевателя вполне сравнима с грозным реноме покорителя Константинополя Мехмеда Фатиха и захватчика Египта, его родного отца Селима Явуза (какие только переводы слова «Явуз» я не встречал – «Жестокый», «Непреклонный», «Суровый» и даже «Грозный», в основном у русских исследователей, очевидно, по сходству психики). На его, так сказать, боевом счету завоевание большей части территории Венгрии после победоносной битвы при Мохаче, в результате которой двадцатилетний венгерский король Лайош утонул в болоте во время бегства, а его отрубленная голова стала украшением пирамиды из нескольких тысяч голов венгерских воинов, рыцарей и епископов. Это на севере – дальше османы не прошли, штурмы Вены австрияки отбивали один за другим, вот и у Сулеймана не получилось, но это рекорд. Причем это еще не все его успехи в Европе – скажем, для полноты картины стоит упомянуть Молдову. Там он так страшно разбил сына Штефана Великого Петра Рареша, что тот предпочел вернуться на свой престол на кончиках турецких ятаганов, согласившись на полную покорность ради поддержки претензий хотя бы на куцую и урезанную власть.

Сулейман Великолепный. Мастерская Тициана. XVI в.

На западе его войска, базируясь на покоренный Селимом Явюзом Египет, бросили к его ногам не только Триполи, но даже Алжир. Попытка его главного противника на европейском театре войны Карла V вернуть Алжир позорно провалилась, с захватом Туниса Карлу повезло чуть больше, но и его император не смог удержать и оставил. На востоке Сулейман исключительно удачно воевал с персидским шахом Тахмаспом, брал его столицу Тебриз четыре раза и в итоге отобрал огромный Ирак и вечно беспокойный Курдистан. На юге он покорила Аравию, с переменным успехом сражался с португальцами и даже направил флот на завоевание Индии – правда, безуспешно. Но уж в Африке окопался настолько прочно, что стараниями его сына Селима в Судане до сих пор живет племя мадьрабок, в лексиконе которого и в наше время сохранились венгерские слова – как многие владыки империй, он ссылал повстанцев с одного края империи на противоположный, вот и побежденных венгров сослал в Судан, пусть живут как хотят. В общем, воин умелый и успешный, ужас Европы

тех лет, да и в мире не припомню в этот период ни одного царя, короля, султана, шаха, императора, раджу, ди, вана или богдыхана, который бы большую часть территории завоевал, больше народу истребил, больше соседей перепугал и ограбил.

Но Сулейман явно был чем-то больше, чем очередной Атилла, «Бич Божий», славный только размерами причиненного ущерба. Он был законник, строитель государства, которого собственные подданные прозвали Сулейман Кануни, то есть Законодатель. Подробный свод законов, регламентирующий жизнь империи, очень непохожей на привычные нам, был создан по его повелению и при его личном участии. И законы эти, пожалуй, были во многом ближе к современным, чем кодексы современных ему европейских монархий. Национальное угнетение у османов практически отсутствовало, любая должность доступна представителю любой нации или расы, да будь он хоть негром преклонных годов. Это касалось и высшей точки иерархии – среди матерей султанов было столько славянок, европейек и жительниц Кавказа, что любая попытка какого-нибудь безумного султана ввести националистическое или расистское законодательство могла привести только к необходимости гнать этого султана с престола поганой метлой.

Кстати, и религиозная терпимость в Османской империи была высокой. Еще десятка за два лет до воцарения Сулеймана его дедушка Баязет уже принимал целыми набитыми битком кораблями еврейских и мавританских изгнанников из пожелавшей единоверия Испании, с удовольствием наблюдал, как образованные и трудолюбивые беженцы приносят пользу османской экономике, и удовлетворенно изрекал по этому поводу: «Как можно назвать испанского короля Фердинанда умным правителем, его, который разорил свою страну и обогатил нашу!» Иноверцев не преследовали, позволяли во всех религиозных и многих прочих вопросах жить под властью собственных священнослужителей и начальников. А что налогом облагали, то какой же это налог, смех один по сравнению с налогами, скажем, процветающей и цивилизованной современной Швеции. Сядь Сулейман на шведский престол и введи такие налоги, шведы бы ему ноги мыли, воду пили и «Аллах акбар!» кричали (до чего и сейчас, похоже, рукой подать). Когда господарь Валахии Мирча Старый, предок небезызвестного Дракулы, решал, с кем ему дружить – с христианской Венгрией или мусульманской Турцией, его решение было принято именно из религиозных соображений. Конечно же, в пользу Турции – турки против православия ничего не имели и вселенский патриарх пользовался всеми благами положения крупного чиновника Османской державы, а для католической Венгрии в те годы православный еретик был ничуть не лучше инаковерующего мусульманина, и большей милости, чем сожжение на быстром, а не на медленном огне, ждать ему не приходилось. Общепринятым языком в турецком флоте в те времена был итальянский – запах жареного мяса от костров инквизиции гнал итальянцев служить щедрому и терпимому султану, которому плевать на то, сколько у кого жен, и никакие легионы святых и тонны реликвий их от этого не удерживали. Ближе к современности Сулейман и тем, что покровительствовал искусствам, помогал поэтам (и сам писал вполне приличные стихи), да и турецкая архитектура при нем расцвела, знаменитый Синан, величайший турецкий архитектор – тоже «птенец гнезда Сулейманова». Сулейман был не чужд гуманных поступков – скажем, разрешил вернуться домой всем ремесленникам завоеванных стран, угнанным в Стамбул его папашей. В общем, вполне позитивная фигура, по заслугам входящая в число первых десяти великих султанов Османской империи. Десятым, то есть последним.

В гареме. Теодор Хенвич. XIX в.

Чем же провинился Сулейман, чего же не учел, где ошибся? Почему уже правление его сына обозначило закат османского могущества, а дальше все вообще понеслось-покатилось? Положительных качеств у него, как уже говорилось, было даже больше, чем можно ожидать от наследственного владыки. Излишней жестокостью, в отличие от то ли Жестокого, то ли Грозного папочки Селима, он не отличался, а голубиной кротости от турецкого султана никто и не ожидает – не та работа. Может быть, не совсем хорошо было то, что на склоне лет он все большую часть работы по управлению государством сваливал на визиря? Согласен, в дальнейшем этот недостаток усугубился и принес державе немало вреда. Но вряд ли это хуже другой крайности, когда Селим Явуз отправлял к палачам своих визирей за малейшую провинность или ее видимость, в результате чего в турецкий язык вошло широко употребляемое еще в XIX веке проклятие: «Чтоб тебе быть визирем у султана Селима!» Семь отрубленных визирских голов за восемь лет правления – это действительно жизнь не по средствам, так никаких визирей не хватит, придется за границей закупать... По этой части Сулейман был гораздо более скромн, хоть и не безгрешен.

Одалиска в пустыне. Отто Пуллиш. XIX в.

Тем не менее факт – баланс ветвей власти он действительно нарушил, и это вполне современное лыко можно поставить ему в строку. Но больше всего усилился не визирь, а третья ветвь власти, у нас ведь три ветви власти, не говоря уже о четвертой – прессе, так почему у турок их должно быть меньше? Была у них даже четвертая власть, официально без особых полномочий, но иногда говорящая свое весьма грозное слово так, что остальные три ветви и пикнуть не смели – янычары. А вместо нашей официальной триады – власть законодательная, исполнительная и судебная – у турок была своя. Султан – визирь – гарем. Вот как раз власть гарема при Сулеймане возросла многократно. Вряд ли это произошло по причине сходства с тезкой, библейским царем Соломоном, у которого тоже был гарем проектной мощностью в семьсот жен и триста наложниц – всегда лучше учиться у тезок хорошему, вроде мудрости, образованности, создания и соблюдения законов, праведного суда и всего такого, что действительно, к чести султана, наблюдалось на практике. Да и вообще не в имени дело. Дело, как всегда, в конкретном человеке, родившемся в 1505 году на территории нынешней Западной Украины, то ли в Рогатине, то ли в Чемеривцах – сейчас уже не разобрать. О ней мы сейчас и поговорим. Сейчас о ней вообще говорят слишком много, написали роман, сняли многосерийный фильм, да еще и не один, наверное, есть о чем словечком перекинуться!

Настя: наложница султанских кондиций

Она была дочерью православного священника, и это в будущем принесло ей огромную пользу – образование оказалось ей крайне полезным, хотя вовсе не так, как она думала. Она обладала немалым лингвистическим дарованием, еще девочкой изучила латынь и греческий – языки образованного Запада, а в ее новой жизни смогла без труда постичь и основные языки тогдашнего мусульманского мира: турецкий, персидский и арабский. Более того, на персидском и арабском она писала стихи, ведя с Сулейманом Кануни стихотворную переписку, лиричную и вполне совершенную по форме. Она обладала железной волей, выносливостью, гибкостью психики и жесткостью души, умудрившись только стать сильнее в обстоятельствах, в которых многие сходили с ума. А вот с местом жительства ей не повезло. Вся нынешняя территория Украины (и не только она) или принадлежала в те времена Турции напрямую, или превратилась в охотничий заповедник всяческих людоловов, в основном крымских татар, вассалов той же Турции. Не удивляйтесь и вообще не думайте, что работорговля дело такое уж давнее. Еще в XVIII веке из Крыма экспедиции за рабами отправлялись с регулярностью, достойной лучшего применения, да и в наше время в аэропортах висят плакаты организаций, борющихся с торговлей женщинами – что не делать, чего опасаться и кому звонить. А уж тогда это был выгодный бизнес и рынки рабов по всему Средиземноморью охотно торговали добычей подобных набегов – мужчин на черные работы, женщин, как сейчас бы сказали, в секс-рабыни. Чем красивей и моложе добыча, тем роскошнее гарем, который ее купит, а для султанского гарема все должно быть первосортным: и красота, и здоровье, да и образование не мешало. Это не говоря уже о том, что султану требовалась практически обязательная девственность, что в те тяжелые годы отсутствия пластической хирургии было труднее, чем в наше время. У Насти Лисовской все оказалось, как для гарема положено, и ее похитители даже сами не попользовались красивым куском женского мяса, потому что им это было не по карману. Так и сейчас охотник в Сибири с удовольствием пустил бы добытых соболей жене на шубу, а не на пушной аукцион, но его супруга по-прежнему ходит в драной кацавейке – деньги нужны!

Так что уважайте образование – оно способно выручить даже в такой пиковой ситуации. Конечно, от массы унижений оно Настю не избавило: и ужас самого захвата, сопровождаемый опускающимся на плечи арканом или мешком, нахлобученным на голову, и тесноту трюма невольничьей галеры, да и рынок рабов, где товар демонстрируют возможным покупателям без упаковки, чтоб они могли проинспектировать все необходимое собственными глазами, а самое сокровенное еще и собственным пальцем, что ей, видимо, пришлось пройти. Но вот плетью по грязи, да еще и босиком (не забудьте о состоянии дорог в те времена, еще худшем, чем сейчас, если у кого хватит сил в такое поверить) ее, пожалуй, не гнали. По той же причине, по которой дорогие авто грузят в трюм корабля не навалом, а бережно и аккуратно – каждая царапина снижает цену товара. Учите языки, ведь и не подумаете, где пригодится! Вот выучила Настя греческий – и купивший ее визирь Ибрагим-паша, этнический грек, смог оценить знание полоняницей его родного языка, пригляделся к прочим ее достоинствам и решил, что такое сокровище, может быть, ему и не по чину, а султану как раз на его размер! Некоторые считают, что ее купил и подарил султану не менее влиятельный сановник Рустам-паша – скорее всего, это ошибка. Во-первых, путаница естественна: Ибрагим-паша был женихом сестры султана, Рустам-паша стал супругом дочери султана (от Насти, между прочим – счастья ему это не принесло), а ведь и по-русски и мужа сестры, и мужа дочери часто называют одинаково – зять. А во-вторых, Ибрагим-паша был щедр, славился неслыханными раздачами милостыни беднякам, а Рустам-паша был настолько патологическим скупердяем, что даже угодил в этом малопочтенном качестве в турецкий фольк-

лор – подарить столь ценную невольницу его бы такая жаба задавила, что тысячу французов хватило бы накормить! Так что именно Ибрагим-паша, скорее всего, и обеспечил бедной Насте проживание в «Дурр-ус-Саадет», Доме Счастья – вот как изысканно называли турки султанский гарем.

Роксолана: выбор сделан

Что же происходит с невольницей, подаренной султану? Она попадает в запретное место – так, собственно, слово «гарем» и переводится. Дам в нем уйма, и далеко не все для секса, многие просто по хозяйству. Они носили титул хазинедар – хранительниц, им присваивали ранги от первого до пятого, и работали они не меньше наших женщин. Наши мужчины поваров не нанимают, им жены борщ варят, а султану что, так нельзя? Вот и у султана кахведжи-уста кофе варила, чашнагир-уста пробовала всю приготовленную еду, чтоб ее для любимого султана не приправили какой-нибудь отравой, а килерджи-уста следила за сохранностью запасов в султанском винном погребе (да-да, у султана-мусульманина, он же еще и халиф, верховный владыка правоверных, – кто же ему пить запретит?). Совершенно так же и с прочими хозяйственными обязанностями: белье стирает чамашир-уста, в бане, натопленной кюлханджи-уста, трет султану спинку ибриктар-уста, ставит заболевшим наложницам тогдашние горчичники и выдает им тогдашний аспирин хасталар-уста... В общем, все при деле, как в «Кавказской пленнице»: «Зульфия мой халат гладит у доски, шьет Гюли, а Фатьма штопает носки».

Что ж, они все и не наложницы вообще? Почему же – теоретически любую из них султан может выбрать и востребовать, они же «одальки», «комнатные женщины», (вот откуда слово «одалиски»), у нас ведь то же самое – кто мужику стирает и варит, ту он и на ложе приглашает, просто у него она одна, а у султана несколько сотен. Ходили всякие сказки, что султан прогуливается мимо кандидаток на редкое счастье и роняет около особо понравившейся платок, а та прячет его за пазуху, что означает ее готовность воспринять оказанную милость. Но гораздо вероятнее версия, изложенная жене французского дипломата одной из фавориток Мустафы I. Согласно ей, султан просто посылал планируемую на сегодняшнюю ночь прелестнице подарок, после чего ее вели в баню и доставляли к дверям опочивальни уже помытой. Там она ждала, пока султан ляжет, а потом ползла к его ложу на коленях, чтоб лучше настроиться на покорное служение своему повелителю. Если султан сочтет, что ему служили хорошо, утром пришлет еще и подарочек. Гарем – это ведь, помимо всего прочего, экономика, всем его обитательницам полагалось питание и вполне приличная зарплата, да и насчет одежды с приличествующими побрякушками султан не жался, поскольку сам пророк Мохаммед повелел: «Давай рабам все то, что ты сам ешь и носишь, и никогда сурово их не наказывай». Правда, последнее выполнялось с оговорками – даже просто за скандальность султан мог приказать подвергнуть строптивицу кроткой каре без пролития крови на турецкий манер, то есть запихнуть ее в кожаный мешок совместно с кошкой и змеей, после чего отправить весь этот зоопарк купаться в Босфоре через специальное окно в стене дворца как раз над обрывом. Говоря языком того же Гайдая: «моментально – в море!».

В гареме султана. Неизвестный художник. XIX в.

Если же красотке фантастически везло и она умудрялась забеременеть, ее ранг сразу повышался (чуть позже таких стали звать «икбал», то есть счастливые). А родившая султану ребенка могла возвыситься даже до титула кадын-эфенди, то есть жены султана. Но в султанском гареме и это не было главным титулом – всеми руководила валиде-султан, мать султана, практически полновластная хозяйка всего гарема, этакое воплощение мечты свекровей всего мира об абсолютной власти над невестками. У кого больше власти, у нее или у султана, – вовсе не такой уж простой вопрос. Гарем – источник огромной власти, которая велика еще и потому, что не прописана ни в каких документах и поэтому не знает пределов. Чтоб понять важность гарема в Блистательной Порте, достаточно знать, что начальник охраны Дома Счастья был третьим чиновником империи после великого визиря и шейх-уль-ислама. Кстати, откуда в гареме начальник охраны? Неужели мужчина? Нет, не совсем – разве что в прошлом. Не забудьте еще об одном могущественном сословии гарема, а значит, и всей Турции – евнухах. Искалеченным мальчикам, привезенным в султанский гарем с невольничьих рынков, в качестве компенсации за вечное исключение из мира полноценных людей предоставлялась не только еда и кров, не худшая, чем у вельмож, но и возможность вершить судьбы практически любого подданного султана, будь он хоть сексуальный гигант. При этом они отнюдь не славились излишней добротой и открытостью, и понятно почему – слишком многое было у них отобрано. При этом в качестве дополнительной компенсации они ухитрялись заниматься относительно безопасным сексом с несчастными обительницами гарема, настолько ненасытными, что им раз в год с законным повелителем было мало, а друг с другом не так интересно. Причем они это проделывали настолько искусно и энергично, что одалыки в отставке, выданные султаном замуж с небедным приданым за доверенных сановников (такая вот была в гареме форма пенсионного обеспечения для невезучих девушек, которых султан так и не удостоил внимания в течение девяти лет), жаловались на то, что интимное общение с мужьями по сравнению с настоящей страстной любовью евнухов – просто бледная тень. Немудрено, что султаны постоянно боялись, что отрезанное у евнухов

ненароком снова отрастет, и регулярно их проверяли, причем в совершенной уверенности, что ведь бывали случаи...

Сулейман Великолепный. Тициан. 1530 г.

Как же было бедной девочке Насте вообще во всем этом выжить, не говоря уже о том, чтоб занять более-менее безопасное место в этом Доме Счастья, где несчастья подстерегали ее на каждом углу? Для начала нужно было отказаться от веры, в которой она выросла, от веры ее собственного отца – она сделала это не моргнув глазом. Те, кто не отказался от собственной веры под угрозой смерти, имеют право ее осудить. Я промолчу. Практически все так поступали, всех-то делов – сказать: «Нет Бога, кроме Аллаха, Мохаммед посланник Аллаха», – и даже обрезать ничего не надо, нечего там обрезать! Вот и Настя не отказалась молиться Аллаху вместо Иисуса. Но это далеко не все. После отказа от веры нужно отказаться от языка. Сохранить его – не проблема, в гареме славянский язык (его тогда не ахти

как делили на русский, польский и прочие) достаточно популярен, а в янычарском войске, которое набирают из полученных в качестве дани из завоеванных славянских стран мальчиков, – он вообще первый. Итальянский разведчик Паоло Джовио так и пишет императору Карлу V: «При султанском дворе разные языки в ходу: турецкий, язык властителя; арабский, на котором написан турецкий закон – Коран; третье место занимает язык славянский – на нём, как известно, говорят янычары». Кстати, и сам султан, несомненно, в определенной мере этим языком владел, мать-сербка явно учила, так что и его внимания можно было бы добиться – но не стать совершенно своей! И тут решение было принято быстро и сразу: Настя очень быстро освоила турецкий на уровне родного, да он и стал для нее родным. А после отказа от веры и языка отказ от родины уже есть чисто техническая процедура. Чтоб надежно покорить сердце турецкого султана, надо быть турчанкой или хотя бы стать ею. Страшное насилие над всем, что в человеке свято, – не затаила ли она в памяти зла на тех, кто ее к этому принудил? Вполне возможно, человеку трудно простить такое. Так что все, что в ней осталось славянского, – это кличка, данная ей, скорее всего, венецианскими дипломатами, старавшимися через своих шпионов быть в курсе всех событий при дворе потенциального противника. Они называли ее роксоланой – нет, тут не опечатка, именно с маленькой буквы. Просто по латинскому названию племени, к которому, по их мнению, Настя Лисовская принадлежала.

Роксолана. Тициан. XVI в.

Кстати, а славянское ли племя они имели в виду, и если да, то какое? Впервые упомянувшие роксоланов Страбон и Тацит совершенно однозначно считали их сарматами, то есть ираноязычным племенем, а Тацит их славянам вообще напрямую противопоставлял. Правда, после их завоевания в IV веке гуннами остатки роксоланов могли принять участие в формировании некоторых славянских племен. Но называть их славянами и отождествлять с Русью впервые стал только автор учебников истории для гимназий XIX века Иловайский – как раз к тому времени, когда к этой науке возник интерес у исторических романистов, кото-

рые за эту версию незнамо с чего радостно ухватились. Кстати, средневековые европейцы называли Сарматией как раз Польшу. Помните «Королеву Марго» Дюма? Там Маргарита, готовясь встречать польских послов, предлагающих ее брату Генриху корону своей страны, усердно пишет по-латыни речь именно к послам Сарматии... Польская кровь у Насти вполне вероятна – Казимир Великий захватил Львов и его окрестности еще за полтора века до ее рождения. А была ли она украинкой, в чем вроде бы практически все уверены? Есть пара тонкостей. Вот потомки ее родни, если пережили все войны и кровопролития, затронувшие эти края, и никуда не перебрались, вполне возможно, что и считают себя украинцами. А сама Настя не только родилась польской подданной – после завоевания ее родины тот же Казимир Великий включил в свой титул слова «Король Русской земли», и ее православных жителей обычно русскими сами же поляки и звали. Даже через сто с лишним лет Богдан Хмельницкий на вопрос, к какой национальности он себя относит, ответил, что раз уж живут на Украине два народа, то он относит себя к русским. Тогда с этим все в Польше было просто: католик – значит поляк, православный, как Настин папа, – значит, русский. Полагать, что для Насти в этом вопросе сделали исключение, могли только чрезмерно патриотично настроенные украинские писатели, которые приватизировали знаменитость, даже не подумав, такая ли это хорошая реклама для Украины. Но их русским коллегам отбивать у них Настю не советую – русских она тоже мало украсит, да и турчанка она, самая настоящая, причем по собственному выбору. В наше время к национальному вопросу в Европе подходят именно так: если захотела женщина быть турчанкой, приняла ислам, как турчанкам и положено, да и родным языком для нее стал турецкий, то она турчанка, и все тут. А кто не согласен и ссылается на ее хромосомный набор, пусть отнесет свои соображения на тот свет в расовый отдел гестапо, потому что никто другой слушать их не будет. Даже немножко неудобно перед турками – что же я им подсовываю, они же мне ничего плохого не сделали... Но истина именно такова, и просто некуда от нее деваться. Не писать же, как один украинский журналист, что на читательской конференции в Чемеривцах, ее возможной родине, все «были единодушны, что родилась-таки в Украине, за которую болела всей душой до последних своих дней». Было бы, конечно, хорошо, но какие этим прекрасным словам есть доказательства, кроме горячего желания? Может быть, полностью покорный ей влюбленный супруг-султан по ее просьбе прекратил ужасные набеги на славянские земли подвластных ему людокрадов? Сама же в их лапы попала, знала, что это такое... Да ничего подобного, как бесчинствовали, так и продолжали бесчинствовать, и турчанке Насте было на это наплевать с самого высокого стамбульского минарета! У нее уже шла совершенно другая жизнь, где не было ни городка, где она родилась, ни отца с матерью, ни подруг детства, – страшная и беспощадная. Пусть уж и дальше живет турчанкой, даже роксоланой называть ее не стоит. Скоро у нее появится новое имя.

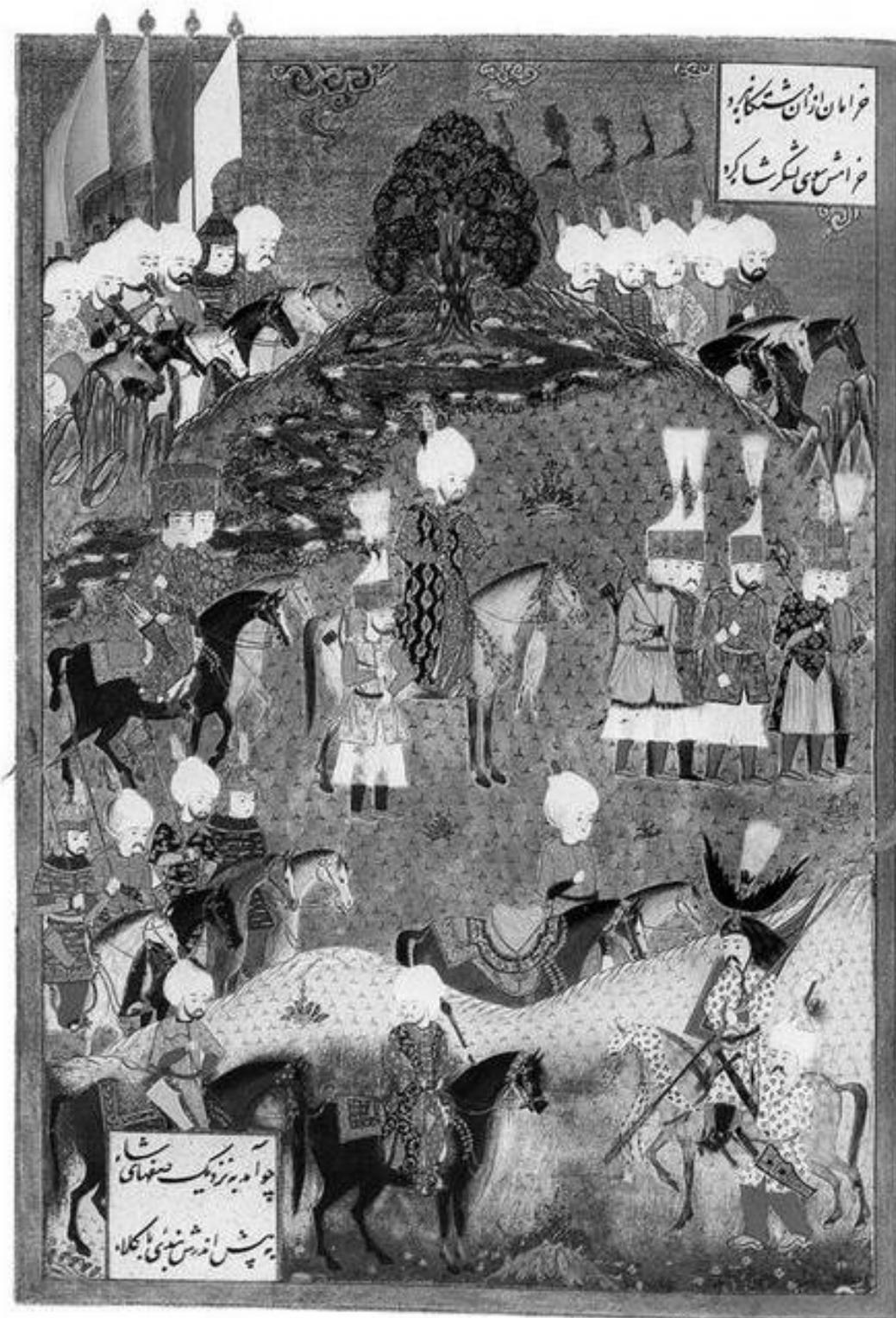
Хюррем: она же Хасеки

Настя стартовала в чудовищно опасной гонке за внимание султана. Соперниц сотни, и все красавицы... Многие из них поступали в гарем, как современные подростки в престижный вуз, – по немалому конкурсу, в тяжелой борьбе, мечтая, что выберут именно их и вся их дальнейшая жизнь будет счастливой, почетной, обеспеченной и интересной, гораздо лучше тяжелой и рутинной работы в черкесском ауле или грузинской деревне. В общем, в гарем рвались точно так же, как в МГИМО или МТФИ; готов поспорить, что даже через знакомых блат у торговцев живым товаром искали и взятки давали, лишь бы получить стамбульскую прописку любой ценой. И за внимание султана боролись так же – будучи готовой на все, лишь бы повелитель остановил свой взор. Что помогло Насте добиться этого, оставив кучу народу за бортом? Популярные статьи полны душещипательных историй о начале ее романа с султаном, но в исторических статьях им нет подтверждения, а выдумать можно и поэффектней. Все сходятся лишь на одной ее особенности, подтвержденной и ее современниками, – звонком заразительном смехе, не обратив на который внимание было просто невозможно. Нервных мужчин это пугает, иногда до вспышки гнева, но Сулейман явно не был таким. Он заметил этот смех и решил познакомиться поближе с той, которая так заразительно смеется. Впоследствии слово Хюррем, по-турецки «смеющаяся», стало ее именем для всех ее окружающих, кроме султана – он чуть позже стал называть ее Хасеки, что по-турецки значит «милая сердцу». Вот этому приходится верить – слишком много свидетельств. Понимаю султана – такой смех действительно обращает на себя внимание. Сам знаю двух женщин с таким смехом, и в обеих течет украинская и польская кровь. Случайное совпадение? Что-то не похоже... Зато теперь у Насти есть новое турецкое имя – будем теперь называть ее так. Роксоланой уже не стоит, очень вскоре после своего возвышения она его весьма символически передарила. Видите ли, носик у нее был по-славянски курносый, и на самом известном ее портрете это было весьма заметным образом запечатлено. А ближе к нашим временам зоологи открыли в Китае весьма эффектных мартышек с золотисто-оранжевой шерстью, синей мордочкой и вздернутым курносым носиком. По этому носику им и дали имя – *Pugathrix hoxellana*, мартышка-роксолана по-нашему. Вот эту мартышку Роксоланой и зовите, а Настя Лисовская теперь Хюррем.

Дальше происходит то, что бывает очень редко, а с турецкими султанами не бывало практически никогда – весь продуманный, рассчитанный на султана любого темперамента и готовый к работе на полную мощь Дурр-ус-Саадет перестает давать стране угля. Никому не надо. Одалыки бездельничают, портят зубки сладостями, перебивают косточки друг другу, всему посольскому корпусу и лично Его Величеству, любятся с евнухами и друг с другом так, что дым идет, а Хюррем в султанской койке отдувается за весь трудовой коллектив, а всех прочих доблестных гаремных тружениц возвратно-поступательного движения, кроме Хюррем, беспокоят все реже и реже! Кормить и снабжать не перестают, Боже упаси, – просто оставили в покое, сплетничать и интриговать практически не мешают, а вот работать не зовут. Зато иностранные посланники при деле, контора пишет, их государям уходят донесения одно другого занимательней, скажем, Карлу V сообщают, что «единственным изъяном в характере Сулеймана является его чрезмерная преданность жене». На этих гяуров не угодишь – гарем, видите ли, им не нравится, а если султан предан одной женщине, это им тоже плохо! Кстати, обратите внимание: не наложнице, а жене – шести лет не прошло, как после рождения сына султан на Хюррем официально женится, кто ему запретит?

Мехмед Фатих: султанским братьям не жить!

Этот брак оказался не только счастливым, но и многодетным: четыре сына и дочка, причем, что для турецких султанов нетипично, от одной женщины, а не от пяти. Но вот что интересно: сыновей рожали, воспитывали, учили, папочка игрушки дарил, ласкали, холили, баловали, чествовали – и все для того, чтоб убить всех до единого! Их родной единокровный брат, родившийся раньше, как только воссядет после смерти отца на престол, был должен выполнить закон великого султана-завоевателя, покорителя Константинополя Мехмеда Фатиха, – перебить всех своих братьев до единого, да еще и беременных отцовских наложниц прикончить, чтоб никто, кроме нового султана, на престол не претендовал. Вполне в духе грозного истребителя Византийской империи – он, когда кто-то из его слуг съел ранний огурец, на который сам султан уже нацелился, не мучил их допросами, не пробовал, как многие небось заподозрили, добыть истину пытками, а просто приказал по очереди вспарывать подозреваемым животы и искать кусочки огурца – чай, не переварились еще. У пятого нашли, так ему еще и голову отрубили, остальным, считай, повезло, а первым четверем – не очень. Что такому рачительному хозяину собственные дети по сравнению с угрозой смятений в империи? Его правнук Сулейман тоже воцарился по обычаю, и ни единого братика у него к моменту коронации не было, подевались куда-то, – так какие могут быть сомнения в судьбе Сулеймановых сыновей после его смерти? А старший сводный братец у сыновей Роксоланы есть – Мустафа, сын черкешенки Гюльбехар. Талантливый молодой человек, любимец стамбульского плебса, умный, храбрый, свирепый и кровожадный – в общем, гораздо больше годится в турецкие султаны, чем его относительно интеллигентный папочка. Вот придет за Сулейманом Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, воссядет Мустафа на престол и тщательно проследит, чтоб верные слуги сделали его круглым сиротинушкой (разумеется, за исключением валиде-султан, мама – это и у турок святое). За это ли Хюррем боролась? Ой, боюсь, не смогла она окончательно стать турчанкой – у них стерпеть такое как-то получается, а при типично славянском отношении к детям не выходит. Чтоб избежать такого исхода, делается все возможное, а невозможного просто не существует. Только смерть способного наследника Мустафы спасет ее детей, да еще в придачу и нанесет опасный удар империи, которая обрекла ее на рабство, – разве могла она не желать этого хотя бы иногда, может быть, и не осознавая этого?

Поход Сулеймана на Нахичевань. Миниатюра XVI в.

У мужчин есть ум, а у женщин – чутье. Гюльбехар сразу почувствовала, что новая симпатия султана является смертельной угрозой и ей, и ее любимому сыну. Еще в самом начале карьеры Хюррем столкнулась с дополнительной проблемой. Первая на тот момент по рангу кадын-эфенди относилась к ней отнюдь не нейтрально, оскорбляла ее, унижала, а однажды не выдержала и прибегла к рукоприкладству: расцарапала лицо, вырывала клоки волос – ну вот видели, как пьяные бабы на базаре дерутся? Так разгневанные султанши вдвое

хуже, не извольте сомневаться. Но расцарапанная, взлохмаченная и, скорее всего, покусанная Хюррем обладает стальной волей, умеет делать большие ставки и наносит совершенно неожиданный ответный удар. Когда уже приметивший ее султан призывает ее к себе, она смиренно, но непреклонно отвечает, что по воле госпожи старшей султанши она сейчас к употреблению по назначению совершенно непригодна и скорее отправится в пресловутый кожаный мешок с кошкой и змеей, чем нанесет обиду любимому руководителю столь непристойным внешним видом. Все ожидали, что именно этим дело и кончится, ведь недавно одна из султанских любимиц по имени Гюльфем угодила в этот самый мешок за существенно меньшее преступление – она продала свою очередь к султану, тихо-мирно, без скандала на весь Дом Счастья. Что же султан сделал с Хюррем? А ничего, только разобрался во всей этой истории, и после этого влияние Гюльбехар на султана начало стремительно падать. Кончилось это отправкой Мустафы на пост губернатора в отдаленный вилайет, разумеется, вместе с матерью – чтоб не разлучать ее, бедняжку, с сыном, за которого она так волновалась. А при абсолютной монархии влияние кончается вместе с удалением от монаршей особы. Ближе Хюррем к Сулейману теперь никого нет, ее влияние на жизнь империи османов усилилось до предела. Не слишком ли это опасно для империи, по законам которой ее оторвали от дома и продали в рабство? Или, воссев на престол этой империи, она все забыла и простила? Будет видно по ее делам.

Ибрагим-паша: воспротивившемуся смерть!

Хюррем вывела из игры главную соперницу, но это не отменяло сурового закона Мехмеда Фатиха. Есть еще полный гарем возможных кандидаток на ее место, со своими планами и амбициями. Есть высшие сановники, верные традициям. Есть, наконец, султан, для которого каждый новый день совместного проживания с одной-единственной женщиной может оказаться шансом обнаружить в ней новый недостаток. Сколько ей удастся продержаться, когда вокруг такие опасности? Оказалось, что долго – всем хватило. Время Хюррем было единственным, когда гарем перестал играть в жизни Османской империи свою обычную огромную роль. Судя по всему, формально его не распустили, но сугубо за недосугом и отсутствием необходимости в серьезной экономии.

С вельможами оказалось сложнее, но тут Хюррем показала во всей красе свои новые качества – коварство и безжалостность. Контроля над лидерами возможной оппозиции она добивалась любой ценой. Скажем, за Рустема-пашу она просто выдала свою 12-летнюю дочь, формально возвысив его до положения зятя султана, а фактически поставив под жесткий контроль своей глупенькой дочки, которая усердно сообщала мамочке все секреты супруга.

Роксолана. Неизвестный художник XVI в.

На месте Рустама-паши я бы в ужас пришел от такой тещи, особенно с учетом того, что ее благодетель Ибрагим-паша, место которого Рустам-паша во многом милостью Хюррем в итоге и занял, кончил очень плохо. Вроде бы он ничего против собственного подарка не имел, но с «черкесской партией», ориентирующейся на Мустафу и его мамочку, тоже старался поддерживать определенный политес, похоже, что это его и сгубило. Никаких документов относительно того, что именно Хюррем нашептала в уши Сулейману компромат на

его преданнейшего раба и великого визиря, который во время всех военных походов с султаном в одной палатке спал, да еще и сыграл огромную роль в продвижении его реформ, разумеется, нет – она султану докладных не писала, а чтоб просто рассказать ему что вздумается, у нее была целая ночь. Но факт остается фактом – 15 марта 1536 года Ибрагим вошел в султанский дворец, а уже оттуда его вынесли. Существует даже легенда, что пятна его крови до сих пор остались в одном из дворцовых покоев, но я что-то плохо верю – такие проблемы в султанском дворце обычно решали шелковым шнурком. Что-то потом говорили, что его покарали за излишние профранцузские симпатии. Но этому уж точно не поверю – Франция с Турцией как раз начинали дружить против Австрийской империи, и эта линия всегда торжествовала в турецкой политике. Через некоторое время Рустам-паша занял место Ибрагима-паши и, будучи уже человеком команды Хюррем, сыграл немалую роль в дальнейших событиях, еще боле ужасных. Кстати, масса статей о Хюррем сообщает нам, что и Рустама-пашу по ее наущению удавили шелковым шнурком. Учитывая то, что его второе визирство закончилось через три года после ее смерти, остается разве что предположить, что ее призрак явился к султану и потребовал казнить преступного зятя... Впрочем, все еще проще – ни в одном историческом труде нет ни слова о его насильственной смерти, но авторам легковесных статей так кажется ужаснее, а проверяют их редко.

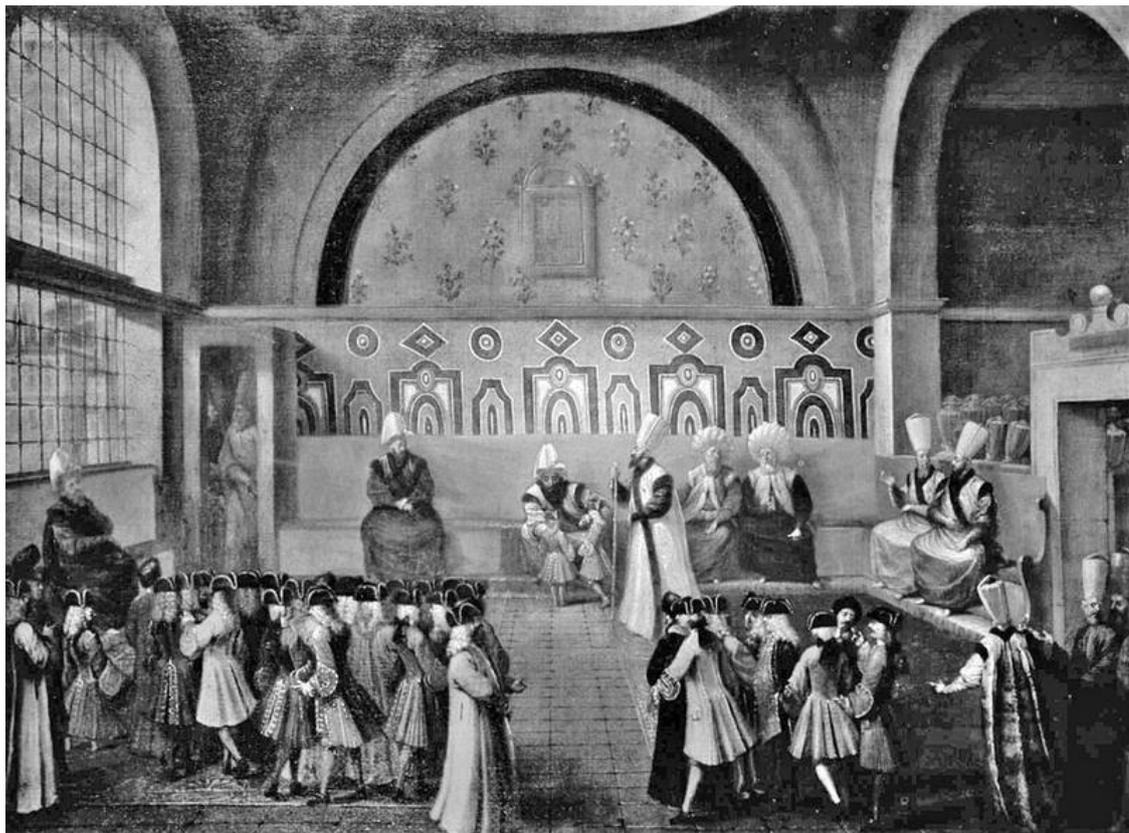
Мустафа: цель поражена!

Может, и на нее зря клепают? Может, и зря, но почему столь единодушно? Строго доказать, что именно она оклеветала старшего сына султана Мустафу и внушила мужу, что он, опираясь на сербов, хочет свергнуть отца с престола, уже, скорее всего, никогда не получится. С любимой супругой султан общался с помощью писем только в военных походах, получая от нее не только информацию о житейских подробностях, но и вполне грамотно сделанные стихи со строками вроде «Позволь Хюррем быть принесенной в жертву за один волосок из твоих усов». Теоретически может что-то найтись, но через 500 лет это очень вряд ли. Все основные тексты насчет того, что Мустафа вот-вот пойдет по стопам своего дедушки Селима Явуза, поднявшего мятеж против собственного отца, и в итоге принудившего его отречься от престола (а возможно, и отравившего – тоже все так считают, хотя точно доказать уже никак нельзя), Хюррем просто шептала любимому Сулейманчику на ушко, а тот годами их слушал и сам не замечал, как все больше и больше этому верил. По тому, что она именно это делала, в турецком обществе царит полный консенсус, разве что некоторые замечают, что именно так, как она говорила, может быть, все и было, и подозревали наследника не зря – ведь перед гибелью Мустафа действительно направился в места дислокации султанских войск, собранных для решающего сражения с иранским шахом Тахмаспом. По моему, этот аргумент слабоват – а куда же, если не к войскам, должен направляться перед войной наследник турецкого престола?

Роксолана. Гравюра XVI в.

Если бы он знал, что у отца уже лежало не им писанное его письмо шаху Тахмаспу с предложением о союзе и убийстве султана, мог бы и не поехать... Письмо явно было поддельным – кто же такие слова станет писать чернилами на бумаге? Такие вещи тихонько говорят на ушко – как Хюррем Сулейману, который верил в заговоры не меньше любого турецкого султана и вековой опыт эту веру скорее подтверждал, чем опровергал.

Прием французских послов. Жан-Батист ванн Мур. XVIII в.

Султан среагировал по самому жесткому варианту. Когда Мустафа вошел в его шатер и поцеловал ему руку, тот подал знак палачам, и те немедленно задушили Мустафу шелковым шнурком. Скорее всего, на глазах иностранных послов – немецкий посланник Бузбек вспоминает, что Сулейман глядел на смерть сына из-за матерчатой ширмы и ужасными взглядами как бы упрекал палачей за то, что копаются. Тут же был отдан приказ убить всех сыновей Мустафы, который не замедлили исполнить. Хюррем добилась своего – теперь смерть султана была совершенно не опасна ее второму сыну Селиму (первый умер в младенчестве), он унаследует престол! А прочее многочисленное султанское потомство куда-то исчезло – тоже говорят, что не без участия Хюррем, но это уже практически по обычаю. Не все обвинения в ее адрес правдивы. Например, не стоит приписывать ей убийство своего собственного младшего сына Баязида – он, страшась участи, которая раньше грозила и Селиму, поднял восстание и после его провала бежал к персам, а те его и продали Сулейману за каких-то 400 000 золотых монет, после чего он, разумеется, был казнен. Но все это произошло в 1561 году, через 3 года после кончины Хюррем в великой славе и почете, к неутешному горю пережившего ее на 8 лет супруга. А вот матери султана пережить Хюррем не удалось – после ее попытки объяснить сыну, что он слишком безоглядно доверяет этой лживой и жестокой роксолане, валиде-султан почему-то умерла при весьма странных симптомах после крайне недолгой болезни. Что в Турции говорят о причинах ее смерти – каждый догадается.

Великий архитектор Синан выстроил близ возведенной им великолепной мечети Сулеймание сначала мавзолей Хюррем, а потом и мавзолей самого Сулеймана Законодателя. Есть в Стамбуле и другие места, напоминающие нам о Хюррем: целый район города, включающий в себя возведенные по ее приказанию на месте снесенного рабского рынка мечеть, богадельню и медресе, носит имя Хасеки. Памятником архитектуры осталась и возведенная по ее приказанию баня, доходы от работы которой она предназначала на поддержание

в целости Айя-Софии. Сомневаюсь в домыслах о том, что дочь священника так хотела спасти для нас от разрушения великий христианский храм Святой Софии – если бы кто ей и сказал, что через полтысячелетия это здание превратят в музей, она бы не поверила. Для мусульманки Хюррем это просто была на тот момент самая монументальная из стамбульских мечетей, и все тут.

Селим: мусульманин-алкаш

Но главное, что она оставила своему мужу и их общей стране – новый султан Селим Второй, рыжий, весьма далекий по интеллекту от своего блистательного отца, да еще и страдающий пороком, особо удивительным у правоверного мусульманина, но вполне ожидаемым от славянина как минимум на три четверти (мать Сулеймана была сербкой).

Селим II Пьяница. Турецкая миниатюра. XVI в.

Для турецкого султана войти в историю под прозвищем Селим Мест, то есть Селим Пьяница, пожалуй, слишком экзотично, но он сумел этого добиться, хотя это кажется не более вероятным, чем испанский король, требующий от всех грандов сделать себе обрезание, или царь иудейский, обожающий яичницу с салом.

Мнения о Селиме как о человеке есть разные, но они чаще благоприятны – особой злости он не проявлял, писал довольно изысканные стихи, в общем, для султана очень неплохо! Даже держава османов при его царствовании приросла отвоеванным у венецианцев Кипром, а энергичный визирь Мехмед Соколлу управлял железной рукой. Но вот поход на Астрахань закончился унылым поражением, и не спасла даже фантастическая для тех времен идея прорыть для удобства доставки войск Волго-Донской канал – вот, оказывается, кто это придумал! А проигранная им битва при Лепанто стала поворотным пунктом всей турецкой экспансии – практически весь османский флот потоплен и сожжен, командующий им Али-паша убит, и голова его насажена на пику, потери европейской коалиции в кораблях меньше минимум на порядок. Турки еще храбрились, даже на небольшой срок смогли восстановить свою морскую гегемонию, говорили европейским послам, что при Лепанто христиане отрезали им бороду, но захватом Кипра они отрубили своим противникам руку, и борода отрастет, а рука нет. Все это были пустые слова – расширение империи османов на Селиме завершилось, десятый великий султан Сулейман был последним из великих, дальше и дела империи, и, так сказать, профессиональный уровень самих султанов стремительно покатились по нисходящей. Да и жизнь он закончил как-то не по-султански – гонялся в бане за голыми ода-лыками с сосудом вина наперевес, поскользнулся и тюкнулся височком об угол мраморной лавки. Вот такой подарочек оставила османам Хюррем, вот так отблагодарила супруга за любовь и неслыханное возвышение! Наверное, спасая сына от казни, она не желала сознательно покончить с успехами страны, в которой воцарилась, и подтолкнуть ее к гибели. А вот не желать этого подсознательно она просто не могла. Результат, в принципе, один и тот же.

Анастасия Гавриловна Лисовская: спустя века

Трудно после более-менее основательного изучения фактов жизни Хюррем рассусоливать розовые сопли с бантиками и рюшечками на тему великой любви, которой покорны даже сердца султанов, и восторгаться даже имеющим действительно место формальным хеппи-эндом. Вместо милой и веселой чаровницы нашему взору предстает свирепая, коварная и безжалостная машина для выживания, готовая на все, чтоб сокрушить тех, кто ей мешает добиваться своего. Не приходится удивляться тому, что в последнее время, хотя бы из внутреннего чувства протеста перед воспеванием такой страдающей обжорством пираньи, некоторые литераторы оценивают ее деятельность, из последних сил удерживаясь в рамках приличий. Например, высказывалось мнение, что Украина действительно должна быть ей благодарна – но только за то, что она ее покинула и резвилась в Турции, которой так и надо. А ведь, скорее всего, это чистая правда – Турция сама ее захватила, никто ее об этом не умолял, и сразу же бросила за парту в жуткой школе ненависти, лицемерия, раболепия и сексуальных странностей, именуемую гаремом. Если государственная система Османской империи швырнула подростка учиться жизни именно в такую школу, какие могут быть жалобы на то, что она оказалась слишком прилежной ученицей? Гарем мог бы вручить Хюррем памятный подарок с тем же посвящением, что Жуковский Пушкину – «Победителю-ученику от побежденного учителя». Она же одна весь гарем заменила, справляясь со всеми его функциями, от политического интриганства до того, о чем вы подумали в первую очередь! Среди гаремных дев за пятисотлетнюю историю этого заведения многие пытались повторить ее деяния, просто никому не удалось столь многого достичь – куда им, угнетенным женщинам Востока, без славянской закалки, наша баба коня на скаку искалечит и всякую избу сожжет!

В гареме. Кинтана Блас Орельяс. XIX в.

Я далек от мысли считать ее этаким Штирлицем, который, попав во вражеское логово, не жалел всех сил для того, чтоб нанести ему максимальный урон, еще одним Конрадом Валленродом в трактовке Адама Мицкевича; скорее всего, она просто пыталась получше устроиться, живя по новым правилам, и совершенно не собиралась вредить державе, королевой которой она стала. Но отрицать ее право отомстить стране, сделавшей ее и мириады ее соплеменниц рабынями, тоже ханжество какое-то – сами нарывались и получили совершенно по заслугам. Помните, как в анекдоте советских времен горец хвалит Ленина: «Настоящий абрэк, как за брата отомстыл!» – вот и с Настей Лисовской то же самое: хотела-то она совершенно другого, но получилось, что отомстила... Вот только Сулеймана жалко, Сулеймана Великолепного, Сулеймана Законодателя, дело жизни которого было подорвано и разрушено одной-единственной хитрой женщиной в благодарность за доброту и любовь. Впрочем, а как по-другому благодарят за эти чувства? Обычно именно так, исключения прекрасны, но очень редки, и мы с таким усердием их ищем, что готовы вознести на пьедестал даже поповну Настю из маленького городка на Западной Украине. Оставьте пьедестал в покое. На самом деле она не благодарила за любовь и не мстила за рабство, а просто была рукой судьбы, предназначенной покарать Османскую империю за безумное заблуждение, состоящее в том, что османы выше всех людей и имеют особые права на власть над миром. Может быть, это гораздо более весомый повод не забывать о ней, чем все наши попытки поговорить о странностях любви? Тем паче что было Сулейману до всех этих высоких материй? Он любил ее и был с ней счастлив до конца своих дней. Хоть эту пользу от роковых женщин отрицать не стоит – мужчины, которые их добиваются, уже получают огромную награду, которая может оправдать если не все, то очень многое, ведь правильно? Ой ли – бывает, что за каждую полученную таким образом минутку счастья приходится платить часами наматывания кишок на локоть без наркоза, и никакая корона от этого не спасает. Но об этом – следующий рассказ.

Мужчины предпочитают блондинок

Мало кому в начале брака судьба сдает такие хорошие карты. Она не только красавица и знатная дама, она еще и блондинка, а блондинки – это вы сами знаете что... Что же до него, то он вообще явление исключительное, император одной из самых могущественных держав мира, да еще и племянник человека, культ которого давно перешагнул границы его собственной страны и превратился почти в религию. Расчета в их браке ни на грош, он скорее вызов традициям и явно заключен по любви – живи себе счастливо и ни о чем не беспокойся, кто может нарушить семейное счастье такой исключительной пары? Да никто, кроме ее же самой! Как же сотворить такое чудо? Оказывается, очень просто – во всяком случае, для блондинки...

СВЕТЛЫЕ ГОЛОВЫ

Даже и не сразу поймешь, почему это так, а если поймешь, скоро убедишься в том, что понял неправильно. Самая распространенная версия сводится к редкости этого цвета волос – все-таки нам привлекательно именно то, что не на каждом шагу встречается. Вот всяких редких вымирающих существ мы поддерживаем, в Красную Книгу записываем... кстати, блондинкам туда не пора? Вроде бы все меньше становится краев, где рождаются преимущественно блондинки, и Русский Север свои позиции сдал, и скандинавы что-то брюнет на брюнете, и в Армении с грустью до сих пор вспоминают о своих светловолосых предках, хотя благодаря соседям-завоевателям они сейчас практически поголовно трэфовой и пиковой масти. Может, через пару сотен лет натуральная блондинка то ли станет редкой, как панда, то ли вообще вымрет, как мамонт? Некоторые так и считают, угрожая, что уже в 2202 году (почему-то некруглая дата, чтоб больше верили) родится последняя блондинка – скорее всего, в Финляндии.

Для доказательства этого привлекают даже бывшую буржуазную лженауку генетику, признающую, что тот ген, который отвечает за цвет волос, у блондинок рецессивный, а у брюнеток доминантный. Это значит, что ген брюнетки всегда пересиливает и делает все по-своему. Но на самом деле все не так печально. Если не вдаваться в подробности, это означает, что сколько-то блондинок всегда будет рождаться, иногда даже у двух родителей-брюнетов. Но брюнетов всегда будет больше, и поэтому быть блондинкам редкостью во веки веков, а это значит, что брюнеты всегда будут на них западать, и ничего с этим не поделат. Что поделат, мужчины предпочитают блондинок – это знали много столетий, а в начале XX века голливудская сценаристка Анита Лус даже написала книгу с таким названием. Ее спросили, с чего это она взяла, что блондинок действительно предпочитают. Она ответила, что знает это точно, потому что сама брюнетка.

По суровому, но всемирному закону компенсации вместе с признанием их необыкновенной привлекательности на блондинок в наше время свалились и довольно крупные неприятности. Завистливые брюнетки объявили, что все блондинки глупы как пень, и сочинили о них одинокими зимними вечерами целую кучу обидных анекдотов. В одном из них блондинка не может ответить на вопрос, какая погода на дворе, потому что на улице дождь стеной и ничего не видно. В другом – интересуется у продавца антикварного магазина, не завезли ли к ним что-нибудь новое. В третьем несчастная блондинка пытается купить в сапожной будке два шнурка, но никак не может выбрать, потому что ей нужен один правый и один левый. На вопрос о том, у кого из трех пятиклассниц лучше фигура – у блондинки, брюнетки или рыжей, анекдот безапелляционно отвечает, что у блондинки, конечно – ведь ей уже минимум 19 лет. Блондинка из другого анекдота покупает десять мышеловок, а на следующий день приходит в магазин и просит еще десять, потому что все купленные уже заняты. Блондинке из следующего анекдота объясняют, что тараканов лучше травить вместе с соседями – и бедные соседи умирают отравленными, а блондинка не понимает, за что ее судят, если она все сделала по инструкции. Доктору, который велел блондинке «Не дышите!», она немедленно задает вопрос: «Доктор, неужели вы пукнули?» А другой доктор, окулист, после осмотра может дать блондинке только один совет – учить алфавит. В общем, понятно. Не злая и далеко не безобразная, но предельно примитивная, знающая только элементарные основы и делающая из них совершенно неправильные выводы. А в придачу предельно неразборчивая в интимном плане, да еще и склонная к всевозможным сексуальным девиациям – анекдоты об этом не привожу, во-первых, потому что не хочу смущать скромных читателей, а во-вторых, потому что их и так все знают. В общем, в пору всем блондинкам

немедленно бежать в парфюмерию и быстро-быстро покупать краску, чтоб перекрашивать волосы в черный цвет. Даже непонятно, почему чаще всего бывает не так, а наоборот...

Блондинки даже всерьез обиделись на эти инсинуации и организовали общественную организацию, которая пытается обелить их светлый во всех отношениях образ. Борются они за свои права, должен признать, разнообразно и изобретательно. В союзники они привлекают даже науку, не забывая упомянуть о том, что статистические исследования, проведенные Би-Би-Си с участием 90 000 респондентов, показали, что средняя блондинка умнее не только средней рыжей, которой в этом споре в чужом пиру похмелье, но даже завистливой средней брюнетки, которая пусть теперь клеветает. Более того, они используют искусный «черный пиар» – скажем, распространяют анекдот о двух блондинках, которые с удовольствием обсуждают перспективы прорыва в создании теории Единого Поля после вывода на проектный режим Большого Адронного Коллайдера, и вдруг одна из них быстро шепчет: «Шухер, мужики идут – давай о тряпках!».

Не забывают они и напомнить, что первой блондинкой греки считают саму богиню любви Афродиту, которой подарил такой чудесный золотой цвет волос лично Зевс – вы уж догадайтесь сами, за какие заслуги... А то, что слава Мерилин Монро не могла бы стать такой громкой, если бы Норма Джин Бейкер все-таки не решилась перекраситься в блондинку, мы и сами знаем, не Афродита какая-то мифологическая, чай, а чисто реальная женщина... Кстати, почему в блондинку так легко перекраситься, кто выдумал для этого средство и нет ли и в этой истории какой-нибудь блондинки за углом? Есть, конечно, как же в таких вещах без блондинок? Более того, в ней будет рассказываться и о том, какие же мужчины так сходят с ума по блондинкам, что ведут себя, как персонажи анекдотов. Знают эту блондинку и ее супруга практически все – они люди известные. Но эту историю стоит знать не поверхностно, а с подробностями и деталями, потому что в ней слишком много и поучительного, и поразительного. В общем, слушайте...

Мой дядя самых честных правил

Когда мы говорим «Наполеон», и даже «Наполеон Бонапарт», мы все обычно имеем в виду одного и того же человека. Нет спору, великий император, как бы мы к нему ни относились, остается фигурой очень незаурядной. Но минимум один человек с такими же именем и фамилией (почему не двое, расскажу чуть позже) тоже оставил в истории очень заметный след. Удивительного в этом немного – у Наполеона было четыре брата и три сестры, если даже не учитывать умерших в младенчестве, в те времена большие семьи были обычным явлением. Семья у Наполеона была довольно дружная, братьям он помогал, чем мог, и обеспечил их всех вполне приличными должностями. Старший брат Жозеф с его подачи устроился работать испанским королем, а чтоб дать корону и Жерому, он организовал специальное Вестфальское королевство. Люсьена он бы непременно тоже посадил на необременительный престол с хорошей зарплатой, да тот уперся – отказался бросить неродовитую жену, даже когда великий брат лично попросил, обещая при согласии корону специально для такого случая созданного королевства Этрурия (не поступил ли он умнее всех?). А братику с королевским именем Луи Наполеон не только подкинул голландский престол, но и породнился с ним еще раз, женив на своей падчерице Гортензии Богарне, дочке своей супруги Жозефины от первого брака.

Тут он, пожалуй, перестарался – брак получился шаткий и непрочный, супруги очень быстро разъехались, и список возможных отцов сына Гортензии Луи-Наполеона, пожалуй, богаче, чем позволяют приличия. Футбольную команду из них не составишь, а волейбольную, пожалуй, можно. Тут и голландский адмирал, и французский придворный, и личный шталмейстер королевы, а кое-кто даже намекает на то, что отцом ребенка стал один из Ротшильдов – эти, правда, из всем известной породы, которая, поскользнувшись на арбузной корке по дороге в булочную, в первую очередь кричит: «У, жида проклятые!», но и без них многовато выходит. Тем не менее ребенка официально признали, и всю жизнь он никому не позволял сомневаться в том, что он самый настоящий племянник Наполеона Великого. Давайте и мы так считать в дальнейшем – общепринятое мнение вообще важнее генов, которые все равно уже сам черт не разберет, чьи именно.

Четыре Наполеона. Гравюра XIX в.

Получив при рождении имя Шарль-Луи-Наполеон, соединяющее имена трех великих владык Франции – Карла Великого, Короля-Солнце и своего прославленного дяди, наш герой просто не мог не полезть в политику, чтоб попытаться стать владыкой, не уступающим в славе своим знаменитым тезкам. После свержения Наполеона потеряли престол и все

наполеониды, но его мать осталась феноменально богатой женщиной, и проблем с получением наилучшего образования наш маленький Наполеон не испытывал. Он изучал военное дело в Швейцарии, дослужился до капитана швейцарской армии, написал ряд теоретических трудов, посвященных военным наукам. Но эти чинные и благопристойные занятия ему были не по душе – авантюрный дух, свойственный его дяде, не давал покоя ни ему, ни окружающим. Ему не исполнилось и двадцати трех лет, как он ввязался в бестолковую и неподготовленную экспедицию итальянских карбонариев в Романью с целью освобождения Рима из-под власти Папы как светского государя. Все рассыпалось в одно мгновение, и следует считать, что Наполеону еще повезло – он с британским паспортом вовремя унес ноги, а вот кое-кто из его сподвижников угодил на виселицу. Ничему это его, разумеется, не научило – не та семейка. Уже через пять лет он завербовал нескольких офицеров, в том числе командира одного из артиллерийских полков гарнизона Страсбурга Водре, и попытался устроить государственный переворот в стиле Наполеона Великого – просто объявить о своем приходе к власти и рассчитывать, что все войска с восторженными криками к нему присоединятся. Полк Водре оправдал его надежды, поскольку там командир раздал солдатам немало денег на выпивку. А уже в следующем полку неудачливого претендента в наполеоновском сюртуке и треуголке просто схватили за шиворот и сволокли куда следует. Он тут же начал каяться, восхвалять суд Луи-Филиппа, «самый гуманный суд в мире», и выклянул для себя вместо наказания, положенного за мятеж, обыкновенную высылку в Америку.

Вернулся он оттуда самовольно и не с добром – высадился с группкой таких же озабоченных в Булони, забросав город листовками, в которых нес существующие власти по кочкам (в общем, было за что) и обещал, что сразу сделает всем хорошо. Жалко ему было, что ли? Отличие его костюма в Булони от того одеяния, в котором он появился в Страсбурге, было разве что в том, что в свою фирменную треуголку он спрятал кусок сырого мяса, чтоб специальный ручной орел опустился ему на плечо. Этот номер не прошел, и скорее всего это было большой удачей – а если бы в голову клюнул или, чего доброго, нагадил? Тем паче и времени-то любоваться на орла у немногочисленных зрителей было немного, потому что первая же воинская часть, которую он начал призывать возвести его на престол, его сразу же повязала и отволокла в узилище. Суд над ним был одновременно более суров и более мягок, чем предыдущий: его приговорили к пожизненному заключению без ограничения прав. Казнить нельзя помиловать, и ставьте запятую сами. Чтоб выполнить этот диковинный приговор, его поселили в крепость Гам, покидать ее не велели, а в остальном не мешали ему совершенно – он принимал там друзей, гулял по всей крепости, только за ее пределы не выходил, писал книги и статьи, агитировал французов, находя для себя довольно много сторонников. В общем, жилось ему там недурно, а когда надоело, он переделался рабочим и с каким-то бревнышком на плече, как Ленин на субботнике, спокойно унес ноги в Англию. Одним словом, приключений хватало.

Такие любители приключений обычно так же активно любят противоположный пол, и наш мини-Наполеон был в этом плане достойным племянником своего любвеобильного дяди. Расставшись с невинностью при содействии мамочкиной горничной еще в 13 лет, он методично освоил сначала местных пейзажей, потом вскормленных швейцарским шоколадом буржуазок, а чуть попозже – и аристократических путешественниц, стремящихся отдохнуть на горных курортах по полной программе. Когда во Флоренции мамочка представила молодого Наполеона местной красавице, графине Баральдини, он так к ней воспылал, что проник в ее дом, нарядившись цветочницей. Как только странно выглядевшая девушка упала перед графиней на колени и начала просить ее о вещах абсолютно нецензурных, та в ужасе позвонила в колокольчик, вбежали слуги и муж, и началась безобразная драка, из которой Наполеон предпочел спастись бегством. Он не простил графу Баральдини нанесенных пинков и поставил его в тупик дважды: первый раз, когда вызвал его на дуэль, и второй, когда сам же

на нее не явился. Здесь он показал себя очень осторожным, а что он еще и бережлив, показал его роман с певицей Гордон, любовницей того самого полковника Водре, который помогал ему поднять бунт в Страсбурге, – она очень помогла уговорить одного своего любовника участвовать в аванюре второго.

Императрица Евгения. Франц Ксавье Винтергальтер. 1853 г.

Он не скучал даже в заточении в Гапе, где немедленно уговорил тюремную гладильщицу, 22-летнюю Элеонору Вержо, расширить список оказываемых ей услуг, причем настолько, что за шестилетнее заточение стал отцом двух ее сыновей. Да и в изгнании он настолько быстро освоился, что обитательницы излюбленных им публичных домов стали с ужасом ожидать визитов любвеобильного и изобретательного французского принца. Наконец, в Англии он познакомился с некой мисс Говард, заработавшей не очень афишируемыми способами немалое состояние, и стал пользоваться этим состоянием, как своим – влюбленная по уши экс-камелия не возражала. Когда пал Луи-Филипп и Франция стала республикой,

Наполеон настолько активно занялся своим пиаром на ее деньги, что прошел в парламент сразу от четырех департаментов. Но мисс Говард напрасно мечтала о том, чтоб узаконить свою связь. Думаете, дело было в ее непрезентабельном прошлом? Скоро вы увидите, что это не так. Все намного серьезнее – она была брюнеткой... Но появилась блондинка, и всем стало ясно, кого же все-таки предпочитают мужчины.

Землячка Колумба

Все считают ее испанкой, и это правильно, но немного неточно. Ее роду положил начало не испанец, а генуэзец Эгидио Бокканегра, посланный на помощь кастильскому государю Альфонсо Справедливому для борьбы с маврами. Храбрый генуэзский адмирал успешно справился с порученным делом, разбил мавританский флот и в итоге так и остался жить в союзной стране. Потомки награжденного за победу высокими титулами флотоводца женились на знатных аристократках с Пиренеев, и к началу XIX века его фамилия выглядела не особенно короткой даже по испанским понятиям. Так что ее полное имя – Мария Эухения Игнасия Августина Палафокс де Гусман Портокарреро и Киркпатрик де Платанаса де Монтихо де Теба – для знатной испанки даже не выглядит слишком длинным. Но обращаться к носительнице столь длинного имени не очень удобно – начнешь ей объяснять, что стоит уйти с проезжей части, так пока закончишь, ее уже карета переедет. Так что давайте называть ее Евгенией, как все в наших краях и делают – имя Эухения в нашей огласовке звучит именно так.

Ее мать, Мария Мануэла Киркпатрик, получившая свою не особенно испанскую фамилию от отца-шотландца, британского консула в Малаге, была, без сомнения, женщиной незаурядной. В частности, ее близким другом был сам Проспер Мериме, человек, мистификация которого обманула самого Пушкина. Александр Сергеевич пересказывал якобы переведенные на французский «Песни западных славян», на полном серьезе считая, что это настоящие народные баллады, а Мериме написал их, даже не побывав на Балканах, чтобы заработать деньги на поездку туда. С матерью Евгении Мериме был более чем дружен – насколько более, говорят разное, но я им свечку не держал, так что просто упомяну, что сама Евгения Мериме чрезвычайно почитала, некоторые даже говорят – «относилась, как к отцу» (пакостных намеков в этом прошу не искать, по возрасту никак не получается). Образование Евгения получила самое лучшее, причем не только в Испании, но еще и в Англии, и во Франции. Кстати, ее учителем французского языка был не кто иной, как сам Стендаль. В общем, начало жизни у девушки удалось.

Евгения, графиня Монтихо. Франц Ксавье Винтергальтер. 1853 г.

Неотъемлемый признак родовитой семьи – семейные предания, и с этим в роду Евгении Монтихо было все в порядке. Одно из них гласило, что в начале века матушка Евгении, будучи еще совсем ребенком, жила в Париже. Ее родители были не только знатными людьми, но и ярыми бонапартистами, и нет ничего удивительного в том, что маленькая Мария Мануэла общалась с маленьким Шарлем-Луи-Наполеоном – их папы и мамы были людьми одного круга. И вот однажды Наполеон, обожавший свою маленькую подружку, преподнес ей букетик фиалок, продетый в золотое кольцо. Только через много лет выяснилось, что это кольцо было тем самым венчальным кольцом императрицы Жозефины, супруги Наполеона Великого, в поисках которого она в свое время перерыла весь дворец. А Мария Мануэла, естественно, презентовала кольцо дочурке Евгении, надеясь, что драгоценный подарок принесет ей счастье. Так в итоге и получилось – Наполеон узнал кольцо, обратил внимание на его носительницу, и история этого кольца немедленно установила между ними некую таинственную связь. Усилила этот чудесный эффект мать, посоветовавшая Евгении почаще укра-

шать себя букетиками фиалок. Вспоминают даже, что именно ее появление на балу с фиалками в волосах и еще одним букетиком фиалок на плече окончательно покорило Наполеона и вдохновило его на официальное предложение руки и сердца.

Прекрасная легенда, не правда ли? Верьте ей и ни о чем не задумывайтесь – с легендами жизнь красивей и загадочней. Не берите пример с меня, этакого олуха, который все проверяет: я сразу посмотрел даты рождения Наполеона и Марии Мануэлы, увидел, что она была старше Наполеона на 14 лет и, скажем, в 1814 году, после которого Бонапарт пал и их встреча при его дворе стала как минимум маловероятной, ей было 20 лет, а ему 6, и мне стало трудно верить в эту чистую любовь двух маленьких деток. Вот теперь и не могу испытать трогательный и ничем не омраченный восторг от чудесной истории с кольцом, и какая мне от этого польза? Легенды не для того, чтоб им доверяли, и уж тем паче не для того, чтоб их проверяли. Они для ощущения чуда, а как только копнешь чуть поглубже, сразу выясняется, что чудес не бывает, и это всегда печально.

И теперь о самом существенном – о цвете ее волос. В наших краях высок процент славянского и угро-финского населения, так что по-настоящему светлые волосы отнюдь не диковинка. Французы, во всяком случае, в настоящий момент – нация брюнетов, и в блондинках они достаточно мало понимают. Портретов Евгении Монтихо, причем прижизненных и от лучших живописцев того времени, в Интернете навалом, есть даже фото (правда, они фиксируют ее внешность в уже довольно почтенном возрасте) – посмотрите сами и убедитесь, по нашим меркам никакая она не блондинка! Светло-рыжая в крайнем случае, не очень темная шатенка с красивыми голубыми глазами на большинстве портретов. Говорят, что в детстве ее волосы были даже несколько темней, и она подкрашивала их, расчесываясь свинцовым гребнем (помните «Двадцать лет спустя» – там так же делал герцог де Бофор, потому что его борода была рыжевата, а сам он был блондин!). Но в подростковом возрасте ее волосы немного посветлели, и получился действительно эффектный оттенок, который косметологи деликатно называют венецианским, или медно-русым. Императрицу по-иному называть даже неудобно – а что она, рыжая? Рыжая, никаких сомнений, в крайнем случае светло-рыжая. Просто для французов в XIX веке это уже такая редкость и шок, что на некоторых портретах ее все равно рисуют брюнеткой, чтоб не колебать нетленные основы. Все лучше, чем кричать вслед своей королеве «Рыжая-бесстыжая», особенно когда она такая и есть. Этикет – это святое, королевы не какают и уж тем паче рыжими не бывают. Пусть считается блондинкой, что, в конце концов, французы в этом понимают? Блондинка, в конце концов, не цвет волос, а состояние души.

У императора обнаружен брак

Обычно тираны приходят к власти без всякого переворота, совершенно демократическим путем. Французы хорошо помнили, что при Бонапартах они всех побеждали, без особых угрызений догадываясь, что побежденных при этом еще и грабили. То, что побежденные в итоге объединились и наkostenяли бонапартистской Франции по шеям так, что мужчин призывных при императоре возрастов осталось всего ничего, живые быстро забыли, а мертвые не возражали. Может быть, кто-то даже радовался тому, что оставшиеся вдвоем на одного мужика французенки в тисках жесточайшей конкуренции так закусили удила и пустились во все тяжкие, что упрочили за Парижем славу сексуальной столицы мира, – кто знает? Во всяком случае, племянник Наполеона Великого без труда набрал на выборах вчетверо больше занявшего второе место генерала Кавеньяка и стал вполне законным, демократически избранным президентом страны. Как положено, во время выборов он много и громко клялся, что не будет пытаться захватить власть силой, изменить избранный народом государственный строй и пробыть на своем посту более одного четырехлетнего срока, как французская конституция ему и велела. Французы поверили ему и выбрали самого молодого президента за свою историю (всего 40 лет!), да к тому же и единственного президента-холостяка. Президенту быть холостяком можно – забота о наследнике престола с его плеч снята. А вот президенту, не ладящему с парламентом (а Наполеон именно таким и был), править довольно неуютно, и 1852 год, когда по конституции он должен сдать пост и лишиться власти, его нисколько не радовал – шансов на продолжение политической карьеры при существующем строе у президента-неудачника не густо.

Император Наполеон III. Франц Ксавье Винтергальтер. 1857 г.

Но Наполеон решил не ждать рокового 1852 года. 2 декабря 1851 года, в годовщину победы под Аустерлицем, он совершает государственный переворот. Строго говоря, это мятеж, за который положено расстреливать, но для Наполеона это только дополнительный стимул не проигрывать любой ценой. Все опасные политические деятели были арестованы или вынуждены бежать, попытавшиеся 4 декабря выйти на баррикады разогнаны и истреблены с чудовищной жестокостью, войска хватали и расстреливали кого попало, в том числе массу случайных людей, тысячи возможных политических оппонентов высланы на тропические острова с ужасным климатом, где практически всех их добила желтая лихорадка и прочие прелести такого рода. Все это поначалу привело к принятию новой конституции, где президенту добавили полномочий примерно до уровня царя и увеличили срок правления до 10 лет. Сам Наполеон осмелел не сразу – еще в марте 1852 года он активно разглагольствовал на тему сохранения республики как символа забвения и примирения, а в революционный день 7 ноября довел свою революцию до конца, добившись резолюции Сената об обращении Франции в наследственную империю. Референдум об этом Наполеон выиграл с огромным преимуществом, и ровно через год после начала своего переворота он его и закончил, став императором французов Наполеоном III. Почему именно третьим? Формально основания к этому есть: сын Наполеона I, тоже носящий им Наполеон, де-юре с 22 июня по 7 июля 1815 года считался главой французского государства. Но скорее всего, дело просто в том, что наборщики, в спешке печатающие прокламацию Наполеона, неправильно прочли ее последнюю строчку «Да здравствует Наполеон!!!», приняли три восклицательных знака за римскую цифру, и породили из-за этой ошибки Наполеона III, у которого уже не было ни времени, ни охоты объяснять, что это просто опечатка. Император-опечатка взошел на престол, а остальное все уже детали.

Интенсивность личной жизни была у Наполеона достаточно высока, когда он еще был простым президентом и даже обыкновенным гражданином, и от провозглашения его императором отнюдь не уменьшилась. Его симпатия и спонсор мисс Говард по-прежнему пользовалась его благосклонностью и только горевала о невозможности быть принятой в Елисейском дворце – бывшая невеста Наполеона принцесса Матильда готова была костями лечь на ее пути, но не допустить такого. Она даже привлекала для решения своих задач известных актрис – авось Наполеону они понравятся больше мисс Говард. Но ни Мадлен Броан, ни Алиса Ози, ни даже сама великая Рашель с задачей толком не справились – Наполеон в итоге перешел на аристократок, вроде маркизы де Бельбеф и леди Дуглас, да и что ты поделаешь с таким супертемпераментным стрекозлом, которому во время подготовки переворота ввиду эмоционального подъема требовалось две или даже три женщины в день, причем все время разные? После провозглашения Наполеона императором стремление мисс Говард узаконить свою связь только усилилось, но сам Наполеон, хотя и появлялся с ней на всех приемах, отнюдь не торопился делать шаги в этом направлении. Мисс Говард от отчаяния потеряла голову и сама, без официального приглашения явилась на торжественный вечер в Тюильри. Окружение новоиспеченного императора перепугалось до смерти – не то у Наполеона было положение, чтоб желать лишних скандалов. И так уже Николай I в поздравительной телеграмме по случаю его восшествия на престол обратился к нему «*Monsieur mon ami*», то есть «Дорогой друг», вместо принятого между монархами «*Monsieur mon frère*», то есть «Дорогой брат». Если вы считаете, что это мелочь, сразу видно, что вы не государь – ведь этим самым Николай давал понять, что не считает его легитимным государем! Если к таким проблемам вдобавок еще и законного наследника не иметь, дела будут совсем плохи. Но ни племянница королевы Виктории Аделаида фон Гогенлоэ, ни дочь великого герцога Баденского, ни даже принцесса Стефания, внучка неаполитанского короля, замуж за него не спешили – отпрыск официально лишеной престола династии Бонапартов, захвативший трон силой, для них

тоже в лучшем случае «*mon ami*», но никак не «*mon frere*». Но без жены нет наследника, а без наследника нет династии – надо кого-то искать.

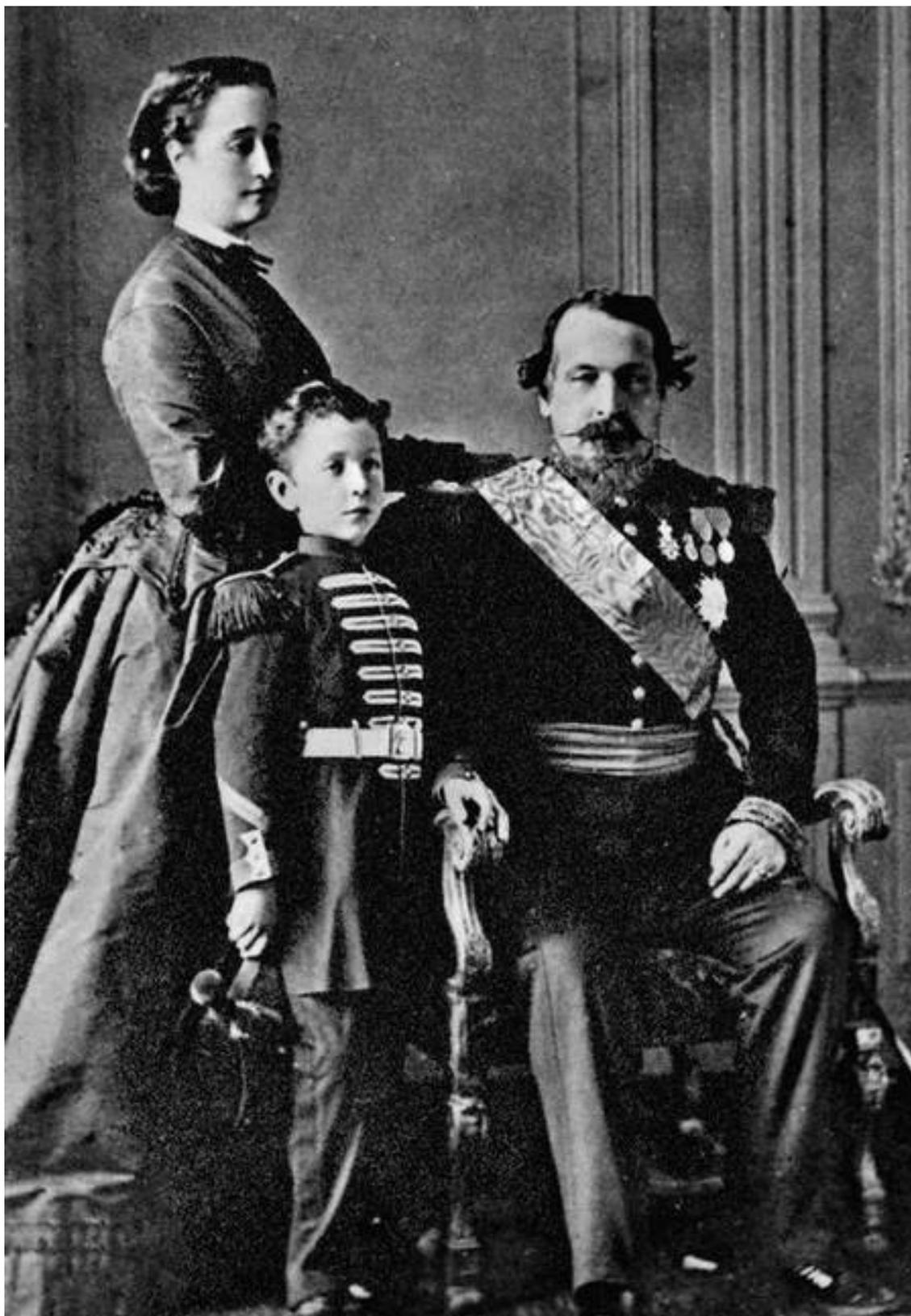
Евгения с сыном. Франц Винтергальтер. 1858 г.

А тем временем наша блондинка подросла и расцвела. Я бы сказал, что даже распустилась, причем во всех смыслах этого слова – ходят настойчивые слухи о том, что ее отношения с мужчинами регулярно заходят дальше, чем незамужней католичке подобает. На одном из приемов принцессы Матильды хозяйка отводит ей место рядом с Наполеоном, и все сразу увидели, что они явно заинтересовали друг друга. Для Наполеона это привычная ситуация – ну так еще одна аристократка, вперед! Но обычный для Евгении либерализм в отношениях полов быстро куда-то девается, и распустивший руки Наполеон просто получает по конечности веером, причем весьма чувствительно, да еще и вместе со словами «Меня нельзя заказывать, как десерт!». Шаг очень разумный – или сразу унесет ноги и не будет зря транжирить время, или втянется по-настоящему. Мужчину ловят, как рыбу – если не сделать больно, крючком губу не проткнуть, ни по чем не удержишь. Чем дальше мужчину посылаешь, тем скорее он возвращается. Наполеон, задетый за живое, увеличивает интенсивность ухаживаний, а он уже президент, а потом и император – блондинки любят титулы и звания. Он еще ведет переговоры с принцессами королевской крови, но уже бурчит под нос так, чтоб другие услышали, что если эти ломаки будут продолжать кобениться, ему недолго найти себе женщину, которая ему подходит. Он пишет ей длинные письма, а ее ответы настолько блестящи и остроумны, что он приходит в полный восторг – еще бы, ведь их писал давний друг ее матери Проспер Мериме, а у него-то со слогом все в порядке!

И наконец-то, в январе 1853 года, он собирает в Тюильри всех высших чиновников, депутатов и министров, и зачитывает им по бумажке свое заявление. Текст его гласит, что он избрал достойную женщину, благородного происхождения, католического вероисповедания, он ее любит и ценит эту любовь выше династических предрассудков, так что прошу любить и жаловать – женюсь! Все чины неприятно шокированы, зло шутят о том, как легко потерять династические предрассудки, если тебе отказывают все принцессы подряд, а ехидный Адольф Тьер радуется за Наполеона, который обеспечил свое будущее – если его в ближайшее время и свергнут, он все равно останется испанским грандом. Наполеону плевать, он счастлив, а остальные пусть клеветуют – 29 января гражданин Бонапарт и гражданка Монтихо заключают в Тюильри гражданский брак, а на следующий день их венчает в Нотр-Дам де Пари сам парижский архиепископ. Брак императора и простой графини по традициям дворов Европы почти всегда был морганатическим, но Наполеон явно не считает себя обычным монархом – брак с Евгенией дает ей все супружеские права и их сын будет наследником престола. Получит ли он престол – несколько иной вопрос...

Незамысловатое семейное счастье

Обычно влюбленный мужчина, добиваясь руки и сердца блондинки, находится в некоем заблуждении, думая, что раз у нее такой необычный цвет волос, то и все остальное у нее такое же редкое и чудесное. Чаще всего эти ожидания не оправдываются, и гипертрофированные ожидания, как и положено, заканчиваются тяжелой фрустрацией. Не думаю, что Наполеон так уж беспокоился относительно вольного поведения своей блондинки в девичестве – чья бы корова мычала, не говоря уж о том, что блондинкам вообще положено быть темпераментными и любвеобильными. Ходящая в Париже эпитафия на эту свадьбу «Не столь умна, сколь хороша Евгения, А девственна ль она, Наполеон Сегодня же узнает без сомнения, Обследовав инфанту с двух сторон» выражает явно плебейские вкусы, да еще и как-то невнятно (что такое «с двух сторон»? Сказали бы «с трех» – хоть было бы ясно, что имеется в виду...), и такой битый жизнью субъект, как наш принц-племянник, на явное наличие любовного опыта у супруги и внимания бы не обратил. Но залучить в свою супружескую постель страстную испанку, в любви подобную героям кастильских романсов, хотелось бы не только Наполеону, но и практически любому мужчине на его месте. Увы и ах – в брачную ночь Наполеон не только достиг того, к чему стремился, но и обнаружил, что особо стремиться было не к чему и его супруга в постели «не более сексуальна, чем кофейник».

Семья Наполеона III. 1860-е гг.

Фрейд бы, наверное, нашел в этой оговорке признание в том, что интимная жизнь императора не так уж безнадежна – кофейник может быть очень горячим и непременно содержит нечто возбуждающее, но вот ведь беда какая – до создания его теорий требовалось ждать еще несколько десятилетий.

А Наполеон не смог ждать больше полугода – все это время он еще ухитрялся блюсти верность супруге-императрице, но потом сорвался с цепи. Начал, как и следовало ожидать, с блондинки, некой мадам де ля Бедойер, мужа которой пришлось сделать сенатором (блондинки умеют и родне порадеть!), потом просто снял особнячок на улице Бак, в который кого только не водил... Но больше всего Евгению обеспокоило новое появление в окружении императора мисс Говард, которая довела супругов до бурной сцены, нарочно попадаясь им на глаза как можно чаще и с удовольствием наблюдая, как скованно-вежливо Наполеон отвечает на ее приветствие и как стекленеет взгляд императрицы, старательно делающей вид, что никого не замечает. Мисс Говард довела блондинку до того, что та отлучила императора от ложа, а ведь с наследником престола пока что ничего не получалось. Наполеон упросил мисс Говард удалиться в Англию, да еще и двух своих сыновей от Элеоноры Вержо прихватить с собой, а сам удвоил усилия по обретению наследника, но ничего не выходило – выкидыш следовал за выкидышем, и злоязычные парижане уже всю сочиняли куплеты о том, что император так немолод, что мог бы и помощников в этом деле нанять... Рассказывают, что выручила царственных неудачников королева Виктория. Насколько она разбиралась в сексе, хорошо говорит совет, данный ей дочерью перед замужеством: «Закрой глаза и думай об Англии», но вот деторождение – другое дело, действуя указанным методом, она родила девять детей, и все они дожили до немалых лет, что тогда отнюдь не гарантировалось даже принцам! Вроде бы именно она посоветовала императрице простейшую вещь – подкладывать подушечку под поясицу, и вскоре восторженные парижане уже всю, под салют в 101 пушечный выстрел, приветствовали рождение наследника престола Наполеона Эжена Луи Жана Жозефа – в первом имени, собственно, никто и не сомневался.

Тем не менее супружеская жизнь венценосной четы развивалась по сценарию, типичному для блондинок и екатерининской России, – вооруженный нейтралитет. Дейл Карнеги в своей знаменитой книге винит во всем Евгению, действия которой описывает предельно критично. «Терзаемая ревностью, пожираемая подозрительностью, она глумилась над его приказами, отказывала ему даже в видимости уединения. Она врывается к нему в кабинет, когда он занимался государственными делами. Она прерывала его важнейшие совещания. Она отказывалась оставить его одного, вечно опасаясь, что он будет встречаться с другой женщиной. Часто она прибегала к своей сестре, жалуясь на своего мужа, сетуя, плача, упрекая его и угрожая. Врываясь в его кабинет, она поносила и оскорбляла его», – рассказывает он. Похоже, что это правда, но разве супруг подавал ей мало поводов гневаться? Впрочем, императору не подобает отвечать истерикой на истерику, и через некоторое время в этом сложном союзе установилось некое новое равновесие. Императрица, с одной стороны, крайне внешне почтительна с мужем и встает, когда он входит, даже если они встречаются наедине, ведет себя корректно и с достоинством на государственных мероприятиях, в общем, этикет блюдет по полной программе. Но с другой стороны, блондинка, хранящая супружескую верность, – это даже не очень смешной анекдот, а уж делать это в одностороннем порядке трудно даже темным шатенкам.

Евгения тоже заводит себе достаточно сложную и богатую личную жизнь, специализируясь на мужчинах, во-первых, знатных, во-вторых, красноречивых, в-третьих, допущенных к ее двору. Вы уже, наверное, поняли, кто это. Послы, конечно, – кто же еще! Императрица ведет себя гораздо нравственней, чем ее супруг. То, что он проделывает в особнячке на улице Бак с дамами достаточно низкого происхождения, есть всего-навсего нарушение супружеской верности в особо крупных масштабах. А императрица и посол крепят взаимопонимание их государств, устанавливают неформальные отношения, крайне удобные для оперативного разрешения возникших вопросов, более того – вносят в отношения своих государств дух доверия и любви! Такая дипломатия настолько эффективна, что и Наполеон был в нее вовлечен: когда идеолог объединения Италии вокруг короля Пьемонта, великий Камило

Кавур, искал способ воздействия на Наполеона, чтоб убедить его помочь Пьемонту еще и войсками, он прислал к нему очаровательную графиню Вирхинию де Кастилья.

Она имела у Наполеона успех и, если бы не ее невероятная болтливость, вынудившая осторожного императора аккуратно отстраниться, явно добилась бы своего. В общем, на этом поприще Евгения имела явно большие успехи – такие вещи у блондинок получаются явно лучше, чем у брюнетов. Вот только взаимопонимания с Россией у Евгении не получилось. Русский посол, граф Павел Дмитриевич Киселев, был человеком вполне достойным, храбрым генералом (кстати, и французов успешно бил), одним из проводников линии на ликвидацию крепостного права, и даже Пушкин в своем дневнике писал о нем: «Он, может быть, самый замечательный из наших государственных людей». Да вот какое несчастье: к моменту назначения послом ему было уже 68 лет – дипломат он был хороший, возрастные изменения не затронули его мозг, но императрице требовалось иное...

Киселев прибыл послом уже в не им созданный очень неблагоприятный климат русско-французских отношений. Наполеон не забыл Николаю не только отстраняющее «*Monsieur mon ami*», но и поражение дядюшки в 1812 году. В результате Франция решительно встала на сторону Турции в русско-турецком конфликте – что забавно, вместе с Англией, которая в союзе с Россией как раз и сокрушила наполеоновскую Францию. Крымская война оказалась для французов вполне благополучной: затоплен русский флот, взят Севастополь, нарезные штуцера англо-французской пехоты обеспечили им не менее подавляющее преимущество над русской армией, чем их пароходы – над парусным российским флотом. Выгоды для самой Франции в этой войне оказались практически никакими, да и во время мирных переговоров Франция скорее мешала Англии чувствительно унижить Россию. Похоже, что они догадывались, что союзник против уже достаточно враждебной Австрии и возникающей на их глазах объединенной Германии им еще ой как пригодится – не зря дипломаты всегда советовали: «Дружи не с соседом, а через соседа». Но вообще говоря, Франция на коне, она победила, трубят трубы, бьют барабаны, герой штурма Малахова кургана маршал Пелисье получает титул герцога де Малахов (впрочем, по сравнению с титулом маршала Нея «князь Москворецкий» это еще цветочки), и все французы видят, что император-то у них везунчик! Императрица, вне зависимости от их интимных отношений, тоже этому рада. Более того, она считает своим долгом участвовать в международной политике империи.

Она бросается в эту ранее неизведанную ей область с настоящим испанским темпераментом. Говоря о политических конкурентах Франции, она использует отнюдь не те выражения, которые были бы приличны для императрицы. Она привлекает в случае неясности самых неожиданных и сомнительных экспертов, вроде американского спирита Дэвида Юма, который вызывает с того света дух самого Наполеона Великого, чтоб императрица могла бы выяснить его точку зрения на интересующую ее проблему. С момента начала франко-австрийской войны она сделала негласной нормой свое присутствие на заседаниях кабинета министров и начала решительно вмешиваться в самые важные политические решения. Так например, в разгар побед Франции над Австрией она останавливает эту войну, потому что считает ее совершенно ненужной и опасной из-за возможного вмешательства Германского союза (в наше время считают, что она зря паниковала, но тогда это было не ясно никому). Впрочем, Франция успевает отхватить себе Савойю и Ниццу, что Евгения ставит себе в заслугу. В это же время Франция успешно ведет колониальные войны – завоевывает Вьетнам, добивается торговых прав в Китае после Второй «опиумной войны», заключает выгодный для себя торговый договор с Японией, выговаривает у Османской империи автономию Горного Ливана, выгодную для христиан-маронитов, да и Франции не вредную. Успехи государства – успехи и для императрицы. Евгения все больше начинает верить, что схватила бога за бороду и ее интуиция безошибочна. Познакомившись в 1861 году на курорте в Биаррице с мексиканским эмигрантом Хосе Идальго, она поняла из его слов, что можно без лишних

хлопот воспользоваться политической нестабильностью в Мексике, чтоб выгадать что-то для Франции, и с успехом подстрекнула мужа к вмешательству в мексиканские дела. Чтоб выдумать хоть какое-то обоснование этому, Наполеон даже избрал термин «Латинская Америка» – это именно он и придумал. Но тут блондинка не угадала, и все кончилось предельно плохо, особенно для посаженного Наполеоном на мексиканский престол Максимилиана, брата кайзера Франца-Иосифа, – его просто расстреляли. Однако это позорное поражение ничему Евгению не научило. Она по-прежнему считала, что в политике все очень просто и ей совершенно понятно, как настоящей блондинке и надлежит.

Седан

Время шло, и ситуация менялась – и во Франции, и в императорской семье. Франция благополучно богатела, в экономике Наполеон был спец. Это он разрешил присвоить сыру камамбер имя породившей его деревни, да и коньяк «Наполеон», как ни странно, получил свое имя от нашего героя, а не от его великого дяди, – в 1860 году этот коньяк стал поставляться к императорскому двору. А вот личная жизнь императора уже, увы, не на подъеме – начали проявляться возрастные изменения организма и психики во всей своей красе. Он наводит ужас на женскую прислугу дворца, тиская и щипая их в закутках и кладовках (может быть, тем, что в основном щипками и ограничивается). Предметы его страсти становятся все проще – последнее серьезное его увлечение Маргарита Беланже оказалась обычной парижской камелией, которая предельно рационально использовала их случайную встречу на улицах Парижа. Император бросил девушке, попавшей под дождь, шотландский плед из своей коляски, а та разглядела, кто именно это был, и обставила возвращение пледа так умело, что несколько лет оставалась самой актуальной из его симпатий. В общем, это было разумно хотя бы потому, что на профессионалку не уходит столько денег, как на любительниц. Более того, она за небольшие деньги выручит из беды: когда от императора забеременела его очередная прихоть, пятнадцатилетняя девственница, Маргарита совершенно недорого согласилась выдать ребенка за своего. Императрица Евгения время от времени замечала то, что и так прекрасно видела, закатывала положенные скандалы, картинно возмущалась, когда императора опять привозили от очередной любовницы в состоянии, близком к параличу, но все это было уже как-то без души, потому что принято, а не всерьез.

Евгения уже поняла, что ничего лучше не станет и надо доживать так, а не склеивать разбитую посуду. Она пытается найти утешение во влиянии на политику и становится еще более активной, тем паче и политическая жизнь в империи оживляется. Репрессии потихоньку изживают себя, приходится вотировать некоторые расширения гражданских свобод, потому что в закрытом наглухо котле политической жизни Франции давление пара стало грозить сорвать крышку. Как всегда, это несколько раскачало государственный корабль, ибо, по меткому замечанию Алексиса де Токвиля у дурного правительства самые серьезные неприятности начинаются в тот момент, когда оно начинает исправляться. У Евгении есть четкое представление о том, что может исправить положение дел – маленькая победоносная война. Впервые этот термин озвучил шеф жандармов Плеве перед Русско-японской войной, но сама идеология, как видите, принадлежит не ему. Объект агрессии ей тоже ясен – это ненавистная Пруссия, растущая как на дрожжах, проглотившая уже всю Германию своим Северогерманским союзом, главой которого являлся тот же прусский король, помешавшая ей и Франции разгромить Австрию, но пока что еще беспомощная перед Францией, способной уничтожить ее без особого напряжения. Во всяком случае, Евгения в этом уверена – идеологи маленьких победоносных войн всегда уверены в победе, вспомните Россию перед Русско-японской войной. А в политике она и Наполеон по-прежнему союзники, и она толкает его к войне так сильно, насколько может. Блондинки ничего не боятся и не знают поражений – просто время от времени поражения случаются сами собой...

Наполеон III и Евгения. 1865 г.

Избежать франко-прусской войны было практически невозможно по самой глупой из всех наличных причин – обе стороны этой войны хотели, более того, были совершенно уверены в своей легкой победе. Французская армия как раз перевооружила своих пехотинцев игольчатым ружьем Шаспо, намного превосходящим по дальности огня прусское ружье Дрейзе. На вооружение французской армии поступили даже митральезы, практически аналог пулемета, оружие для войн того времени, когда пехота ходила в атаку цепью или даже колонной, почти абсолютное. Наполеон только ждал повода обрушиться на Германию, хоть самого пустячного. Повод пришел с родины его супруги, Испании – там королева Изабелла II настолько достала испанцев непрерывной сменой любовников и перманентным политическим хаосом, что те свергли ее с престола. На вакантную корону претенденты всегда слетаются, как мухи на деревенский сортир, а в данном случае одним из самых вероятных претендентов Изабеллы оказался принц Леопольд Гогенцоллерн, родной брат румынского короля (тогда еще князя) Кароля I и, что было гораздо существенней, десятая вода на киселе прусского короля Вильгельма, номинального главы Северогерманского союза. Наполеон и мысли не допускал о том, что два Гогенцоллерна зажмут его страну в тиски с северо-востока и юго-запада. Он потребовал от Вильгельма Прусского, чтоб тот запретил родственнику занимать испанский престол, и Вильгельм, государь старый, осторожный и вообще невеликого ума, немедленно уступил – как скажете, коллега, пусть все будет по-вашему, не нужен нам берег испанский, нам, немцам, неинтересно в Мадриде фанданго с махами танцевать. Наполеон возликовал, и Евгения его активно поддержала – отлично, он поплыл, надо увеличивать нажим, пусть сдаст что-нибудь по-настоящему существенное или откажет хоть в мелочи, тогда у нас будет повод для войны. Интересно, Наполеон хотя бы понимал, что его настоящим противником в этом конфликте является не престарелый Вильгельм, а его канцлер Отто фон Бисмарк, политик совершенно иной весовой категории, чем Вильгельм и сам Наполеон? Судя по его дальнейшим действиям – явно нет.

Наполеон приказывает своему послу Бенедетти предъявить новое требование – дать обязательство запретить Леопольду Гогенцоллерну занимать немецкий престол, даже если кто-то предложит ему это еще раз в будущем. Вообще это просто неслыханно, но 73-летний Вильгельм, отдыхающий в это время на известном курорте Бад-Эмс, не хочет скандала и терпеливо отвечает, что он вряд ли на такое полномочен. Наполеон немедленно требует от Бенедетти получить у Вильгельма письменную гарантию, что Леопольд не пойдет в испанские короли ни при какой погоде. Несчастный посол ловит короля буквально на перроне эмского вокзала, но Вильгельм ему желанной бумаги, естественно, не дает – нет у него такой бумаги, и все тут, да и какие у него возможности давать гарантии за двоюродного кузнеца Вильгельмова слесаря? Он обещал поговорить об этом попозже, сел в поезд и уехал к себе в Берлин. Бисмарку немедленно об этом сообщили, и он просто расвирепел – опять этот мямля король упустил случай спровоцировать французов. Но ту в его голове рождается новая идея. Он на всякий случай еще раз спрашивает военного министра Рона и начальника Генштаба Мольтке, готова ли германская армия воевать и победить. Получив два утвердительных ответа, он немедленно публикует так называемую «эмскую депешу», выбросив из нее сообщение о том, что король согласился поговорить на эту тему в Берлине.

Теперь описание события выглядит так: «Тогда его величество отказался принять французского посла и велел передать, что более не имеет ничего сообщить ему». То есть напрочь отказал и даже разговаривать не стал – пошли, мол, вон со своей Испанией! Депешу публикуют во всех газетах, французы просто взбешены, Наполеон и Евгения радостно потирают руки, большинство парламента бодро голосуют за войну. Германской армии и не думают бояться – французский министр обороны Лебеф бодро заявил, что отрицает ее существование, не сразу и поймешь, что он имел в виду. Грубейшая политическая ошибка, кото-

рую нормальный человек вроде бы и сделать не может ни в каких обстоятельствах – сейчас такое иногда называют «ошибкой блондинки».

Война всегда идет не так, как ожидали, но на этот раз почти все неприятные неожиданности сконцентрировались на французской стороне. Германский Генеральный штаб проявляет чудеса точности и предусмотрительности, и прусские соединения по точно разработанным самим Мольтке маршрутам отдельно подходят к месту боя и совместно наносят удар. Зря Толстой насмеялся: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...» – хотите верьте, хотите нет, а у них действительно эрсте колонне марширт туда же, куда и цвайте, и более того, они приходят туда вовремя. Французские митральезы, которые должны были не хуже «Максимов» выкосить атакующую пехоту, смущенно молчат – военная тайна соблюдалась настолько строго, что в войсках практически нет секретных инструкций к этому чуду техники. Французские бронзовые пушки времен Крымской войны по сравнению со стальными пушками Круппа откровенно никуда не годятся. Огромную французскую армию Базена загоняют в крепость Мец, как крысу в нору. В идущую ей на выручку армию Мак-Магона выезжает сам Наполеон, но это не тот Наполеон, и французов вдребезги разбивают около другой крепости – Седан. Поражение настолько ужасно, что само слово «Седан» приобрело в речи тех времен такой же смысл, как несколько позже слово «Цусима» или еще позже – слово «Сталинград», не говоря уже о маленькой пушистой полярной лисичке... В плену оказывается не только армия, но и сам император. Германцы с присущей им расчетливостью захватили его в плен не в самом начале войны, что могло дать Франции шанс на спасение, а тогда, когда все уже решилось.

Дальнейшее уже дело техники. Париж блокирован, войск для его защиты явно не хватает. Не хватает и продуктов, поэтому в рождественском меню знаменитого ресторана «Серебряная башня» фигурирует фаршированная ослиная голова, верблюд, зажаренный по-английски, слоновый бульон, рагу из кенгуру, паштет из антилопы в трюфелях и прочие бегемоты на вертеле, павлины в апельсиновом соусе и фрикасе из шакала – зоопарк нечем кормить и звери сами пошли на мясо. Правда, вскоре буквально под носом у немцев в Париж пригонят убойный скот – гениальный французский физиолог Флуранс показал мясникам, как перерезать у коров голосовой нерв и превратить их в абсолютно немые существа. Но уже даже не в провизии дело: нет войск, нет оружия, нет воли к сопротивлению. Император в плену, а кто же в лавке остался? Императрица Евгения? Не время считаться с блондинками! Тихие и покорные депутаты, которые в присутствии Наполеона сидели, как мышь под венником, бьют себя кулаками в грудь и кричат: «Доколе?» Вторая Империя ликвидируется, Третья Республика договаривается с победителями о позорном мире, обещает выплатить 5 миллиардов золотом в качестве контрибуции, отдает Эльзас и Лотарингию, где живет каждый двадцатый француз и выплавляется каждый пятый килограмм французской стали. Наполеон после подписания мира даже не может вернуться в Париж. Он уезжает в Англию, Евгения и наследный принц Наполеон Эжен Луи и так далее, по-домашнему Лулу, прибывают туда же. Евгения не бросает неудачника, император не избавляется от блондинки – все лучше, чем в анекдотах. Впрочем, куда же им теперь друг от друга?

Пресечение династии

Евгения в Англии медленно приходит в себя после достаточно трагичного бегства из Франции. Там тоже было много интересного, вплоть до бегства из осажденного толпами народа Тюильри – они мечтали ворваться во дворец и растерзать императрицу, как будто это бы немедленно перепугало немцев до смерти и заставило отступить. «Французская история повторяется, но я не стану ждать, когда мне отрубят голову», – сказала Евгения и в наемном фиакре, испытав массу не совсем приятных приключений, бежала к морскому побережью, а потом переправилась в Англию, где ее, во всяком случае, никто не пытался разорвать на куски. Наполеон прибывает в Британскую империю с гораздо меньшими трудностями, немцы тех времен обращаются с военнопленными отнюдь не хуже прочих европейцев, а Наполеону они еще и бесконечно благодарны. Никто не обеспечил бы им лучшего повода ограбить соседа, показать зубы и превратиться из Северогерманского союза в Германскую империю (что они и делают вскоре после победы), причем ни за какие деньги, не говоря уже о коврижках. Будь на это его желание, немцы всю жизнь держали бы его в пятизвездочном плену с устрицами и шампанским, да еще и подружками бы снабжали в режиме «все включено». Но годы берут свое, и усталый старый человек понимает, что авантюры кончились и осталась только семья. Пусть кто хочет удивляется, но он не обманулся в своих ожиданиях. Супруга встречает его без обычной скандальности, ей уже не к кому его ревновать да и незачем. Семейство поселяется в имении Кэмденхаус, в Южной Англии и ведет спокойную жизнь небогатых помещиков. Амбиции бессмысленны, претензии исчерпаны, беспокойный авантюрист получает возможность хоть на склоне лет пожить в свое удовольствие, даже не очень обращая внимания на мечты жены воскреснуть в сыне, продолжателе рода Бонапартов. Но и это не выходит – здоровье подорвано нервной работой и семейными бурями. Проходит только год, и та, которая всегда является некстати, прекращает эту идиллию. Камень в почке вынуждает врачей на опасную операцию. Неделью все идет нормально, но вдруг течение болезни обостряется, и последний император из династии Бонапартов уходит в небытие, не нуждаясь в заботах о передаче короны.

Многочисленных бонапартистов эта смерть в уныние не ввергла – династия продолжается, принц Лулу жив, он подрастет и еще себя покажет, народ Франции скоро разочаруется в демагогах и политиках, а какой выход он еще может найти, если не призвание на трон самой любимой народом династии? Таких чокнутых бонапартистов много не только во Франции, их полно по всему миру, скажем, в Польше их пруд пруди. Помните старого приказчика Игнация Жецкого из популярного у нас романа «Кукла» Болеслава Пруса? Ветеран сражений 1848 года считает главной надеждой мира Бонапартов, с волнением и сочувствием следит за уже описанными здесь похождениями Наполеона III, скорбит о его падении, но не унывает – подрастет Лулу и еще всем задаст! Действительно, многие поляки боготворили Бонапарта, который на короткий срок вернул их стране независимость. То, что множество народов он этой независимости лишил, их совершенно не волновало, им не хотелось задумываться о том, что, в частности, именно по этой причине блага, дарованные Бонапартом Польше, оказались непрочными и недолгими. Но и среди прочих народов Европы, ущемленных более удачливыми соседями, было множество поклонников Бонапартов, которые всегда умудрялись ломать об коленку застойное статус кво и приводить замшелую старушку Европу в движение. Все их надежды переносятся на молоденького принца Лулу, уже заранее прозванного ими Наполеоном Четвертым. Впрочем, это он бы выдержал, все эти платонические поклонники Бонапартов были далеко и ощущались скорее теоретически. А вот стать единственным средоточием надежд блондинки, которая утратила практически все и только в нем видела надежду на возврат к власти, славе и успехам, – вот это было по-настоящему

тяжело. Все сходятся на том, что невероятные усилия матери по его воспитанию тяготили юного принца. Впрочем, не только блондинки, но и матери прочих мастей слишком часто хотят своим детям только счастья и благополучия, но исключительно в той форме, которая им кажется правильной, и ради счастья своих детей сживут их со света, если они начнут в этом важнейшем вопросе искать что-то свое!

Жизнь принца Лулу вначале складывается более чем благополучно. К тому же республиканская Франция достаточно нестабильна, ситуация в ней шатка и не определена, и многие считают, что в том, что стране надоест этот хаос и она опять призовет Бонапарта, нет ничего невозможного. Он здоров, привлекателен, с детства делает успехи в математике, это у Бонапартов наследственное, поступает в престижный военный колледж в Вулидже и, само собой, считается завидным женихом. Мария Башкирцева в своем знаменитом дневнике рассуждает о возможном браке с ним – конечно, все это не имеющие никакой почвы девические мечтания, но показательно, что о такой партии может помечтать даже молодая французская художница русского происхождения, далекая от излишней почтительности к царствующим особам. Существовал даже проект его женитьбы на дочери королевы Виктории, а это допуск в самый привилегированный клуб женихов, который только есть в Европе. Мама восхищается способным сыночком и, как водится, удваивает усилия по его правильному воспитанию, что не все могут выдержать. Он заканчивает обучение семнадцатым по успеваемости (из сотен выпускников это неплохо), начинает службу в артиллерии, что у Бонапартов тоже в крови, и тут его естественное желание скрыться от чрезмерной опеки умудряется сослужить ему предельно плохую службу – он добровольцем отправляется в военную экспедицию против зулусов, как же Бонапарту без воинской славы! То, что уровень заботливости его мамочки дошел до того, что она сама отправилась покупать ему воинское снаряжение, ужасно само по себе – есть вещи, которые офицер не должен перепоручать никому, от них его жизнь зависит. Но легенда об этом ходит и настойчиво повторяется – похоже, будто их отношения действительно были таковы, что не исключали подобного уровня мелочной опеки. Вряд ли Евгения к этому времени была по-настоящему бедна – какие-то средства на жизнь у нее явно были, причем до конца дней. Но ее материальные возможности, разумеется, были в десятки и даже сотни раз меньше, чем в те времена, когда она была императрицей и не считала денег вообще. Так что то ли от необходимости считать каждый грош, то ли от нападающей на блондинку только при совершении покупок, на которых экономить просто безумно, страсти к бережливости она покупает сыну кавалерийское снаряжение в лавке старьевщика, без гарантии качества, но сэкономив фунт-другой – эта версия очень популярна, хотя доказательства ее правдивости не сыскать, да и кто бы мог знать такое? Но именно с такой сбруей для своей лошади он садится на военный транспорт и отправляется в страну зулусов – что, в конце концов, могут сделать европейскому офицеру эти дикари?

Во всех случаях считать зулусов дикарями было ошибкой. Еще за полвека до описываемых событий великий король зулусов Чака объединил их в жестко централизованное государство, черную Спарту, где отсутствие техники и огнестрельного оружия белых людей в его армии компенсировалось прекрасной физической подготовкой его воинов, железной дисциплиной и отсутствием каких-либо дисциплинарных наказаний, кроме смертной казни. Чака действительно искренне удивлялся, как это белые люди могут за незначительные проступки вроде кражи запирают согрешивших в темную комнату, где они не видят неба много-много дней. По его мнению, немедленная казнь была гораздо более мягким наказанием, а наказывать менее жесткой карой за такие преступления было бы несправедливо, да и не ясно, какая кара может быть меньше и в то же время не быть посмешищем. Так что страх смерти на действия зулусской армии действительно не влиял – при бегстве смерть от рук своих неминуема, а если сражаться, какие-то шансы всегда остаются, не так ли? Похоже, что начальство принца Лулу, не желающее лишних неприятностей, старалось поменьше задействовать его

в опасных местах, но на то и война, чтоб толком не знать, где опасность. Вот скажем. задание, на которого его отправили 1 июня вместе с лейтенантом Кэри и небольшим отрядом, кажется совершенно неопасным – подумаешь, провести рекогносцировку в каком-то зулусском краале, проще только в Лондоне в соседнюю лавочку за молоком сходить, да и нет в этом краале ничего достойного упоминания. И вот же незадача – на обратном пути англичане натываются на зулусских воинов, сорок дикарей с какими-то асегаями, настолько глупых и бестолковых, что даже не бросаются в беспорядочное бегство при виде белых людей, а сами их атакуют. Вроде беда невеликая: англичане все конные, а зулус все-таки бежит немного медленнее, чем лошадь. И тут-то лопается дешевая подпруга б/у, купленная за гроши в лавке старьевщика (если верить приведенной выше истории), а убежать своими ногами от зулусов у европейца шансов не больше, чем от гепарда или страуса. Может быть, выручит револьвер? От кого угодно, но не от сорока зулусов – в револьвере хорошо если семь зарядов, а бояться каких-то огненных палок своим верным империю король Кечвайо строго запретил. Все сходятся на том, что Лулу храбро защищался до последней возможности, но большинство его соратников предпочли унести ноги, кроме двоих, которые то ли расхрабрились, то ли замешкались и погибли вместе с ним. На его теле нашли 31 рану от зулусских асегаяев с лезвиями в ладонь шириной, но смертельным был только один удар, пронзивший глаз и проникший в мозг. Впрочем, даже главу дома Бонапартов нет смысла убивать больше одного раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.